

Талигина Н.М. Новые материалы по погребальной обрядности сынских хантов (обряд сжигания волос — «упт-ушиты») // Культура народов Сибири: Матер. Третьих Сибирских чтений. СПб., 1997.

Талигина Н.М. Потусторонние субстанции человека в представлениях сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1998. Вып. 6.

Третьяков П. Туруханский край // ЗРГО по общей географии. СПб., 1869. Т. II. Федорова Е.Г. Материалы к погребальному обряду северных манси // Материалы полевых этнографических исследований 1990–1991 гг. СПб., 1993.

Федорова Е.Г. Материалы по погребально-поминальной обрядности салымских хантов // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3.

Хасанова М.М. Обряд «угощения» духа-хозяина воды у негидальцев // Природа и цивилизация: Реки и культуры: Матер. конф. СПб., 1997.

Хасанова М.М. Традиционный похоронный обряд негидальцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Матер. Пятых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. СПб., 2004. Ч. 2.

Хомич Л.В. Религиозные культы у ненцев // Сб. МАЭ. Л., 1977. Т. 33.

Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Новая серия. 1959. Т. 51.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. II.

В.И. Дьяченко

РЕКИ И ОХОТА НА ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

В жизни человека реки играли огромную роль не только в исторически обозримые времена, но и в те отдаленные эпохи, которые остались отраженными только в древних археологических памятниках. Расселение охотников и рыболовов, оседание вдоль водных артерий было обусловлено их ежедневной потребностью в питьевой воде, рыболовным промыслом и сезонной охотой на диких животных (особенно оленей), которые во время своих миграций переправлялись вплавь через реки и озера. Вода в этом случае служила тем естественным препятствием, которое останавливало стремительный ход животных, концентрировало их и давало охотникам возможность относительно нетрудной их добычи.

Как на евразийском, так и на североамериканском континентах сохранилось немало археологических и этнографических свидетельств об исключительной важности того периода времени, когда наступал сезон добычи животных на воде. После промыслов и длительных стоянок древних охотников оставался богатый остеологический материал, свидетельствующий о роли охоты на оленя в жизни человека, а также часто и наскальные изображения сцен охоты на северных оленей.

Охота как один из факторов становления человека сыграла решающую роль в освоении различных по своим природным условиям ландшафтов. Еще в эпоху среднего палеолита (40–33 тыс. лет назад) мустьерский человек охотился на территории Западной Европы на оленей. Промысел этих животных в те времена не играл существенной роли: коллективы охотников пугливым и быстроногим оленям предпочитали огромных, не очень поворотливых мамонтов, особенно в ориньякский этап верхнего палеолита. В результате удачной охоты на этих животных охотники имели возможность обеспечивать себя большими запасами мяса, шкурами для шитья одежды и покрытий жилищ, бивнями и костями для строительства каркасов построек, изготовления орудий охоты и труда. Почти то же самое (правда, не в таких больших количествах) можно было получить от охоты и на других крупных животных: лошади, бизона, оленя. В эпоху Солютре (20–15 тыс. лет назад) частота добычи диких животных сместилась в направлении лошади¹. А со временем процентное соотношение добытых охотниками зверей стало все более и более склоняться в сторону дикого оленя. В Западной Европе северные олени паслись в тундровом в то время ландшафте, в зоне, примыкающей к леднику. Палеолитические люди пользовались для добычи диких животных их сезонными перекочевками с юга на север и обратно, устраивая засады на речных переправах. Миграции оленьих стад на значительные расстояния, достигающие 200 км в одну сторону, были особенно характерны для мадленского времени, когда охотники Дордони следовали за тундровыми стадами оленей по их пути к Пиренеям — местам отела диких животных.

Проживавшие 15–10 тыс. лет назад мадленцы были охотниками и собирателями. Сейчас, конечно, трудно судить о том, какие виды растений и ягод они употребляли в пищу. Но огромное количество костей животных, обнаруженных на их стоянках, дают нам достоверную информацию о том, на каких зверей они охотились. Подавляющая их часть представлена травоядными животными, такими как лошадь, бизон, мамонт; добывали они и зайца, и куропатку. Но значительно превосходят костные останки этих зверей многочисленные находки костей другого животного — северного оленя. Повсеместно более 80 % костей, обнаруженных на археологических стоянках, относящихся к мадленскому времени, принадлежат именно этому животному [Marie-Odile and Jean Plassard 1995: 26]. На некоторых стоянках древних охотников процентное содер-

¹ Исчезновение некоторых представителей «мамонтовой» фауны многие ученые связывают с похолоданием климата на планете и коренной перестройкой природной среды в плейстоцене.

жание костей дикого оленя еще выше. Так, на некоторых стоянках в Перигоре (юго-запад современной Франции) среди идентифицированных фаунистических остатков подавляющая часть, т.е. более 95 %, представлена костями северных оленей [Audouze, Enloe 1991: 65]. Это обстоятельство даже послужило причиной того, что мадленский период верхнего палеолита иногда еще называют эпохой северного оленя.

Дикий северный олень (*Rangifer tarandus*) являлся главной добычей палеолитических охотников мадленского времени в так называемом паризианском бассейне, на территории которого проходили миграционные пути оленей. Основа экономики мадленцев во многом базировалась на добыче этих животных. Кроме мяса олень, как и мамонт в предшествующие эпохи, обеспечивал охотников шкурами и материалом для изготовления орудий труда. Из кости и рога оленя они изготавливали скребки, сверла, иголки, наконечники копий.

В паризианском бассейне одними из наиболее известных в настоящее время стоянок охотников мадленского времени являются Пензван (120 км на юго-восток от Парижа) и Вербери (к северу от столицы Франции). Здесь археологами обнаружены многочисленные костные останки диких северных оленей. В обоих местах они указывают на три особенности, характеризующие стратегию охоты и ее результаты: сезон промысла, близость расположения лагеря охотников к месту добычи животных и те части туш оленей, которые приносились после их разделки на стоянку. Находки на древних стоянках зубов оленей и их анализ (в возрасте одного–двух лет) показывают, что как в Пензване, так и в Вербери охота на этих животных осуществлялась в течение нескольких осенних недель. Но в Вербери это происходило несколько позднее, чем в Пензване [Audouze, Enloe 1991: 65].

Со временем, с увеличением численности охотничьих коллективов, решающую роль в их выживании стал играть фактор адаптации к новым осваиваемым территориям, а точнее, поиск оптимальных вариантов существования в конкретных природно-климатических условиях и максимально возможное использование биологических ресурсов, т.е. флоры и фауны. Исключительно важную роль в организации и осуществлении охоты, на чем базировалась вся хозяйственная деятельность палеолитического человека, играл поколениями выработанный опыт, который выражался в применении тех или других способов добычи диких животных.

Наиболее продуктивной охотой на стадных животных была, конечно, коллективная. По определению Б. Гордона, коллективная охота — это организованная концентрация диких травоядных и добыча их с применением естественных препятствий и сооружений,

созданных человеком, использование которых зависело от численности охотничьих групп и размеров стада животных [Gordon 1990: 296]. В процессе развития техники промысла охотники наряду с облавной охотой и загонном животными в ямы или на высокие обрывы стали использовать ограды из кольев в сочетании с природными (естественными) барьерами, такими как горные гряды или утесы (скалы), для направления стад животных в реки или озера для забоя. Техника коллективной охоты зависела от времени года, так же как и способы добычи оленей на воде отличались от практики загона в корали, сооруженные на льду или на земле. Наиболее интенсивная охота на диких оленей велась в период осенней миграции, когда они кочевали к местам зимовок.

Существовали различные способы охоты на дикого оленя: массовые облавы, загоны в воду, в западни (ловушки), скрадывание, гоньба и подманивание, которые можно в целом разделить на две группы. Облавы и загоны в воду являлись массовой добычей диких оленей, в то время как остальные способы были более характерны для охотников-одиночек или небольших коллективов. Способы массовой добычи отличались эффективностью, которая зависела от численности загонщиков, конструктивных особенностей загонных изгородей, протяженность которых достигала нескольких километров, а на воде — от количества покольщиков на лодках. Более или менее эффективные способы массовой добычи животных осуществлялись в районах с высокой плотностью популяции оленей или на путях их сезонных миграций.

Выбор охотников между массовой облавой и загонном диких оленей в воду основывался на топографии местности и технических возможностях лодки. Они могли построить временные изгороди таким образом, чтобы гнать животных к реке или озеру. Загон в воду, конечно, требовал меньших физических затрат, чем воздвижение изгородей, особенно в безлесной местности. Кроме того, загон для массовой добычи диких оленей можно было устроить на любом озере или реке.

Доисторические охотники, которые являлись наследниками исключительно разработанных знаний об окружающей среде, использовали долговременные колебания популяций животных. Они могли выбирать определенную стратегию охоты на стадных животных, которая, естественно, имела корреляцию с периодами, когда случались тотальные голодовки из-за нехватки источников питания. Факты из истории первобытных кочевников показывают, насколько важной для них была охота еще совсем в недавнем прошлом. Изменение сроков и территории миграций диких оленей приводили к периодическим голодовкам населения, их откочевкам на другие территории, а иногда и к гибели охотничьих коллективов.

Многочисленные стада диких оленей, пасущихся на безграничных территориях севера евразийского и американского континентов, конечно, жили по законам своего развития и в отдельные периоды времени колебались в численности. Так, например, специалисты считают, что в Гренландии пик численности популяции дикого оленя повторяется с интервалом 65–115 лет, т.е. в среднем около 80 лет. В Канаде он имеет более короткие циклы — каждые 35–50 лет. На Лабрадоре, на основании данных компании «Гудзонов залив» и информации эскимосов, сильные колебания в численности диких животных были зафиксированы около 150 лет назад. Согласно данным исторических источников, численность карибу на севере Квебека-Лабрадора была довольно высока в 1880-х годах, но быстро снизилась в 1920–30-е годы. Уменьшение численности карибу исследователи связывают с очень интенсивной охотой инуитов внутренних районов региона. А в связи с участвовавшим использованием огнестрельного оружия и развитием пушной торговли в конце XIX в. в районе Унгава (территории, примыкающей к Гудзонову заливу) произошли коренные изменения в миграционных путях дикого оленя.

Популяция карибу в районе Джордж Ривер (северный Квебек-Лабрадор) в последние десятилетия стремительно растет. В 1954 г. насчитывалось 4700 животных, в 1958 г. — 15 тыс., в 1984 г. их численность превысила 0,5 млн. Увеличение поголовья карибу привело к экспансии животных из района Джордж Ривер на юг Лабрадора, где их не было в течение всего двадцатого столетия [Loring 1997: 190]. Для сибирского севера колебания численности диких оленей также играли важную роль в истории и традиционной культуре коренных жителей, о чем мы будем говорить ниже.

Прямая зависимость жизни охотников от колебаний размеров стад диких оленей, изменений их миграций привела некоторых исследователей к формулировке понятия «длительное преимущество» экономики охотников, основанной на специализации промысла карибу. Так, американский антрополог В. Фицхью предложил ввести в научный оборот понятие «population sink» (упадок; падение численности населения) для внутренних районов Лабрадора в период до начала контактов с европейцами, чтобы показать очевидный упадок культур, базирующихся на охоте на диких оленей. То же объяснение было предложено для причин исчезновения культур верхнепалеолитических охотников на территории современной Западной Европы [Loring 1997: 192].

Как уже говорилось, охота на диких северных оленей в тундре с древних пор являлась основой существования северных кочевников. Занимаясь промыслом этих животных, охотники прекрасно изучили особенности их поведения. Они не только хорошо знали повадки животных, но и успешно применяли свои знания на промысле, вы-

работав классические образцы охоты в тундровых условиях. При относительно малой затрате человеческого труда они извлекали максимальную эффективность от охоты, получая достаточное количество добычи для жизнеобеспечения в условиях Крайнего Севера.

Знание повадок животных и использование особенностей их поведения при охоте были важнейшим условием выживания человеческих коллективов. Ибо чем лучше охотники знали поведение оленей, тем больше у них было шансов на успешный промысел. Способы охоты на оленя зависели от накопленных предыдущими поколениями знаний, технологической доступности, размера охотничьего коллектива, величины стада оленей, состава и поведения животных. А это, в свою очередь, зависело от сезона, географии региона и погоды во время промысла.

Как известно, дикий тундровый олень движется на север к побережью океана весной и от моря на юг осенью. Эти ежегодные миграции, места кочевок животных с древнейших времен были известны охотникам, которые устраивали промыслы на оленей на всем протяжении их маршрута, поджидали «дикаря» на переправах через реки, зная сроки и места, где можно было устраивать охоту.

Для оленей характерно также движение во время выпаса в определенных направлениях: против ветра, вверх по склону, по видимому ориентиру (руслу реки, следу другого оленя и т.п.). Ветер, наклон местности, запах следа одного оленя или стада — все это условные раздражители, которые облегчают оленю ориентировку в среде или выбор безопасного места отдыха или пастьбы [Баскин 1970: 22]. Указанные направления движения оленей на местности характерны для всех сезонов года и всегда учитывались охотниками на промысле. Обнаружив вдалеке стадо или группу диких оленей, охотник останавливался, выяснял линию движения стада (если оно кормилось), изучал характер местности и направление ветра. По ветру скрадывание оленя было невозможно (он должен дуть со стороны диких оленей или, по крайней мере, быть боковым). Определив, откуда дует ветер, промысловик намечал маршрут подхода, учитывая характер рельефа и наличие укрытий.

Характерной особенностью поведения оленей является то, что при воздействии на них неблагоприятных условий и в борьбе с ними животные быстро концентрируются. Это действие начинается с испуга, который может быть вызван любой неожиданностью. Испуг одного животного мгновенно передается остальным и тотчас вызывает сжимание оленей в плотное кольцо [Крупные хищники и копытные звери 1978: 169]. Во время миграций через реки некоторые стада оленей (особенно те, которые подошли к воде первыми) не решаются переправляться два-три дня, а иногда уходят берегом к другому месту переправы. Если сила воздействия, вызвавшая испуг, не

уменьшается, из стада выбегает один олень, являющийся вожаком, и за ним сразу же увлекается все стадо. Так, во время миграции олени часто скопляются на берегу реки и не решаются переплыть ее. Но как только первый олень вошел в воду и поплыл на другой берег, остальные животные тотчас следуют за ним.

Использовали охотники и такую особенность поведения диких оленей, как боязнь жердяных изгородей, деревянных кольев или каменных пирамидок, поставленных на их пути. Они действовали на животных «психологически», хотя не были непреодолимы. При желании олени всегда могли перескочить или даже перешагнуть через невысокую изгородь. С помощью таких сооружений охотники могли направлять стадо в нужное для них место.

Промысел дикого оленя на североамериканском континенте

Древнейшие свидетельства промысловой деятельности североамериканских охотников на карибу обнаружены на севере континента. В канадском Бэриленд археологами обнаружено место переправ карибу, где древние охотники промышляли 8–6 тыс. лет назад. Там был обнаружен более чем двухметровый слой костей диких оленей. Даже при отсутствии в отдельные периоды костных остатков в стратиграфии, когда стада диких оленей могли мигрировать в других местах, нужно отдать должное и признать высокую эффективность добычи в те времена, когда коллективы охотников, жизнь которых целиком зависела от этих стад, все же не вымерли [Gordon 1990: 279].

Археологические исследования на Лабрадоре указали на непрерывность древних индейских и эскимосских культур на протяжении 8 тысяч лет, чередующиеся и иногда наслаивающиеся друг на друга охотничьи стоянки. Около двух десятилетий исследований побережья и смежных внутренних районов Квебека и Лабрадора выявили последовательность археологических стоянок древних групп *инну*, датированных по крайней мере 2000 лет назад [Loring 1997: 208]. На реке Бернсайд (на востоке района расселения *медных эскимосов*) Б. Гордон производил раскопки и реконструировал стационарные зимние каменные жилища и хижины с крышами из оленьих рогов. В них жили здесь в конце лета и осенью. По данным исследователя, это место было населено в 1500–1700 гг. до н.э., в период малого ледникового периода. Тогда несколько семей береговых *медных эскимосов* были вынуждены забросить ухудшившийся промысел тюленей. Они перешли к охоте на более предсказуемых и доступных карибу. Наличие огромного количества костей и рогов в пяти хижинах и десяти каменных домах, а также наличие четырех уровней залегания костей на озерных островах Надлок свидетельствуют о том, что здесь были убиты более 100 тыс. оленей. Археологи пола-

гают, что охотники с каяков производили поколку оленей, даже не используя загонные линии на входе в озеро, и что женщины и дети здесь устанавливали каркасы из рогов для вяления мяса на ветру [Gordon 1990: 284].

Нэлеманн (1969–1970) описал культуру западных гренландских охотников, которых посещали еще в XVIII в. моравские миссионеры. Местные охотники устраивали западни между двумя рядами каменных пирамидок, которые годами «наращивались» и со временем превратились в 600-метровую изгородь. Женщины и дети окружали стадо и гнали его между каменными пирамидками и вбитыми между ними кольями в тесный коридор или в воду для поволоков [Gordon 1990: 285].

В начале 1980-х годов в Западной Гренландии археологами был обнаружен и изучен крупнейший лагерь гренландских охотников — островной комплекс Аасивисуит. Здесь, в береговых районах, стада карибу,двигающиеся на места зимовок, попадали в четырехкилометровый загон, состоящий из 104 отдельно стоящих камней и пирамидок. Около лагеря животные наталкивались на изгороди из камня высотой 20–60 см, направляющие их к нескольким из 35 укрытий для стрельбы, расположенных в стратегических местах прихода каждого стада (рис. 1²).

Североамериканская субарктика населена охотниками-инуитами в тундре, охотниками-индейцами лесов и этими же народами в обеих природных зонах. Тундровые и таежные способы охоты различались и зависели от сезонного поведения стада оленей и его размеров, концентрации животных, наличия природных материалов (дерева, камня и снега), которые можно было использовать для строительства загонных линий, а также смекалки охотников. Изобретательность инуитов позволяла им строить каяки (более маневренные и удобные, чем каноэ) для облав и поволоков карибу, а также сооружать снежные блоки и каменные пирамиды вместо деревянных изгородей, в то время как лес позволял индейцам строить изгороди и корали. Охота на каяках была особенно эффективна тогда, когда карибу, мигрировавшие стадами численностью в несколько сотен голов, переплывали реку ежегодно в одном и том же месте. Использование каяка и копья при охоте на карибу в реках или озерах полу-

² 1 — части оленьего стада, приведенные в активность каменными пирамидками, двигались на запад-юг-запад. Охотники могли располагаться вдоль «аллеи», надеясь, что карибу проследуют тропами, ведущими к озеру. По направлению троп можно предполагать два альтернативных окончания охоты на оленей — 2а и 2в. 2а — карибу добываются стрелками из луков, скрывшихся за каменными прикрытиями. 2в — карибу следуют тропами до места переправы и добываются с каяков [Gordon 1990: 286].

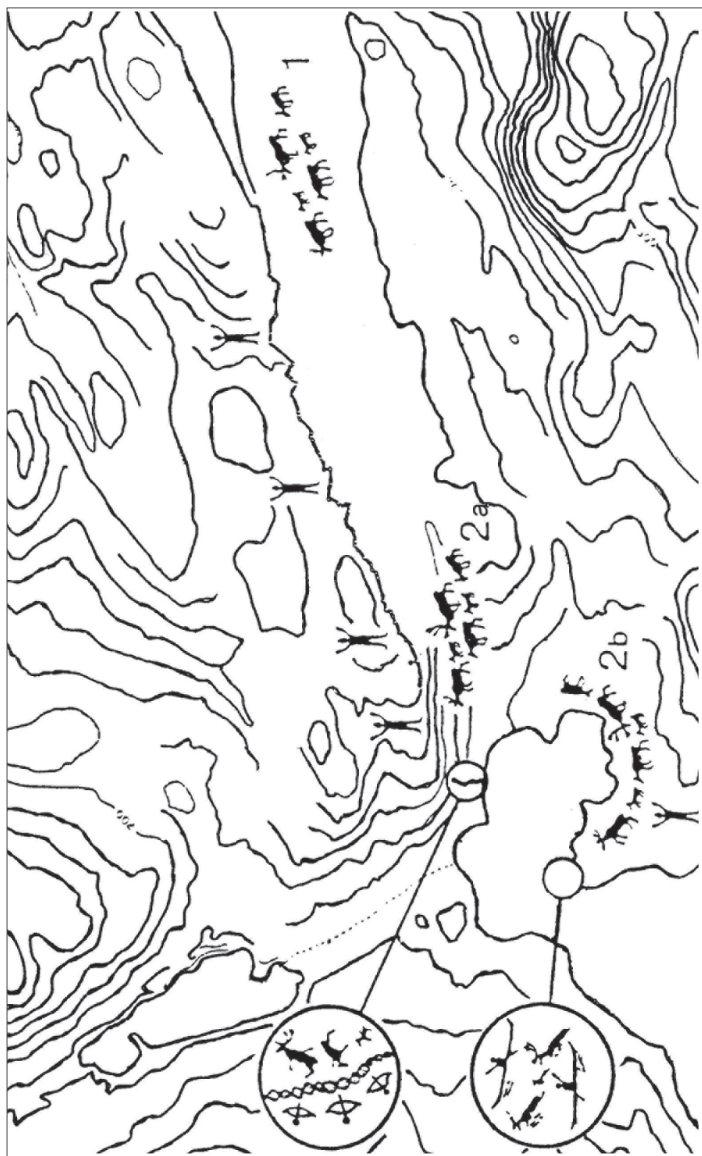

Рис. 1. Схема загонной охоты на карибу у инуцшигтов Западной Гренландии.

чило широкое распространение среди эскимосских групп. Это было зафиксировано на Аляске и в Центральной Арктике, на западном побережье Гудзонова залива и от Баффиновой Земли до Лабрадора — там, где позволяли топография местности и сезонное поведение оленя [Spiess 1979: 110].

Среди охотников-догриб (район Большого Невольничьего озера) был зафиксирован один из древнейших способов охоты, который состоял в том, что загонщики направляли карибу к реке и вынуждали их прыгать с высоких обрывов. Остальные участники охоты вылавливали разбившихся животных внизу по течению [Spiess 1979: 120]. В тундре на диких оленей активно охотились с помощью направляющих линий («аллей»), которые состояли из каменных пирамид, ведущих к воде. В лесной зоне животных добывали с использованием направляющих линий из кольев, которые вели в корали из деревьев, скрывающих охотников, и к местам переправ. Преследование на воде было распространено, главным образом, на границе леса или в тундре, так как там стада были больше.

Кобуки, ноатагмеуты и другие эскимосы западной Аляски выстраивали две шеренги стрелков, которые направляли стадо к озеру с крутым берегом, где диких оленей, которые не могли выбраться на сушу, кололи с каяков. Охотники-инуиты из группы *анактувук* (северная Аляска) сооружали каменные и ивовые ограды до 1 м высотой, отстоявшие на 15–20 м друг от друга, тянувшиеся на расстоянии до 8 км и заканчивавшиеся у озера.

На северо-западном побережье, в районе дельты р. Макензи, инуиты окружали стадо, загоняли его в реку или озеро и, используя пугала (чучела) и издавая волчий вой, убивали оленей с каяков. Восточные группы *медных эскимосов* добывали в большом количестве карибу с августа до осени двумя способами. Первый состоял в том, что женщины и дети гнали стада между *инукишут* (название каменных пирамидок, что в переводе означает «каменные люди») на стрелков из луков, спрятавшихся в укрытиях, или в воду, где их кололи с каяков. Во втором случае животных поджидали осенью на переправах, убивая их на середине реки. Многочисленные каменные пирамидки-*инукишут*, которые издали имитировали людей, длительное время оставались во многих местах, чтобы отпугивать карибу, направляя их в нужные места переправ. Они представляли собой два ряда каменных столбиков протяженностью несколько километров, сходящихся в месте переправы. Пирамиды обмазывали грязью, а наверх укладывали куски дерна, чтобы они издали напоминали голову человека. Эти пирамидки служили для того, чтобы гнать стадо на охотников, вооруженных луками и стрелами и спрятавшихся за каменными валами. Одиночные ряды каменных кладок были немного короче (самые длинные — около 200 м) и слу-

жили для того, чтобы отпугивать карибу от тех мест реки, где течение было очень сильное или участок реки слишком широким, чтобы охотникам в каяках можно было удерживать оленей. На колья, воткнутые в землю, надевали яркие раскачивающиеся цветные предметы, шкурки чаек, крылья птиц или черепа карибу. По словам *Канайугов*, даже одной качающейся на пирамиде лопатки карибу было достаточно, чтобы отпугнуть животных от нежелательного входа в воду. Женщины и дети помогали загонять оленей громким шумом и криками, имитирующими волчий вой. Эскимосы-карибу группы *киватин* использовали установленные каменные пирамидки, специально не давая стадам входить в воду в тех местах, где поволоки с каяков были неудобными. Охотники из группы *надлермиут* также использовали двойные ряды каменных пирамидок, которые устанавливали в 10–12 м друг от друга на протяжении многих километров и заканчивались у места переправы. Сооруженные из трех или четырех камней, положенных один на другой и покрытых кусками дерна, часто с надетыми на колья крыльями птиц и лопатками карибу, эти ряды пирамид имели открытые проходы (10–12 м ширины), где прятались охотники [Birket-Smith 1929: 110]. Женщины и дети бежали позади стада испуганных животных, махали одеждой и выли по-волчьи. Они гнали оленей между рядами пирамид, которые располагались так, что животные, сбегав с гребня горы, внезапно оказывались между ними. Принимая пирамиды за людей, олени не осмеливались выбегать из пространства между направляющими линиями, а бежали вперед к озеру, где в конце «аллеи» животных поджидали в каяках охотники.

Очевидно, более часто, чем двойной, использовали одиночный ряд пирамид. Между камнями втыкали деревянные колья с привязанными к ним шкурами чаек. Их раскачивание производило очень сильный эффект. Когда женщины гнали стадо к ряду пирамид, животные двигались вдоль них в воду, где их поджидали охотники. На одном из озер, как писал Биркет Смит, прямо на каменистом месте, над водой была воздвигнута небольшая цепь каменных пирамид, которые на расстоянии были удивительно похожи на людей. Цель установки этих пирамид состояла в том, чтобы не дать возможности стадам карибу, идущих с севера, самим войти в озеро в том месте, откуда они могли легко уйти от охотников и где было неудобно устраивать поволоки. В то же время ряд пирамидок вел их по направлению к ожидаемому месту переправы на р. Казан, в то место, где она вытекала из озера. О каменных рядах у восточной оконечности озера Абердин упоминал Дж.В. Тиррелл, указывая на то, что каменные пирамиды распространены по всей стране и количество их сосчитать не представляется возможным [Birket-Smith 1929: 112].

Если животные находились по ветру (от охотников), эскимосы-карибу разжигали небольшие костры, чтобы перебить дымом запах человека. Когда стадо оленей, переплывая реку, находилось на полпути, притаившиеся охотники в каяках появлялись на противоположном берегу и, подплывая ближе к животным, направляли их против течения, чтобы обессилить карибу. Тех оленей, которых женщины и дети упускали на берег, старались убить стрелами.

Восточные группы *медных эскимосов*, а также все группы *нетсиллик* (кроме *арвиллджурмитов*) устанавливали и использовали весенние *инукушуты* на горных кряжах, ведущих к озерам. Там загонщики, издавая волчий вой, гнали стадо оленей на притаившихся на озере охотников, где животных кололи с каяков. Многочисленные изолированные летние стада карибу на Бутхиа Истмус также загоняли, используя каменные пирамидки, в определенные точки на уже замерзших озерах. Оленей гнали в места с пробитым льдом и открытой водой, где и кололи. С другой стороны, охотники, стоящие цепью, загоняли в воду стадо, зажатое между озером и 3–5-километровой цепью каменных пирамидок, установленных в 50–100 м одна от другой.

Проживавшие к северу *иглулирмиуты* организовывали посылки с каяков, загоняя животных в море, а стрелки из луков скрывались за каменными пирамидками. Один из эскимосов-охотников на карибу рассказывал известному полярному исследователю К. Расмуссену о тех лишениях и нужде в прошлом, которые испытывали охотники на дикого оленя. Правда, он добавлял при этом, что много добычи можно было получить в том случае, когда оленей загоняли в реку или озеро, где их и истребляли [Vlehr 1990: 305].

Там, где на пути мигрирующих оленей находились большие реки и озера, животные переправлялись через них в удобных местах, поэтому животных не нужно было специально загонять. Л. Тернер, например, когда писал об эскимосах Гудзонова залива, отмечал, что при использовании каяков охотники легко направляли животных в то место, куда они хотели. Он пошел дальше, сравнив человека в лодке с пастухом: «Охотник спокойно управляет стадом в воде, так же, как пастух на земле» [Turner 1894: 250]. Охотники, выждав появления стада около стойбища, быстро старались забить копытами (во время переправы) как можно больше оленей, по возможности все стадо целиком. Даже не обращая внимания, была ли в этом потребность или нет. Тот факт, что Тернер обнаружил сотни сгнивших костяков оленей, дает пищу для размышления не только об эффективности охоты на воде, но и «о беспощадности и определенной расточительности охотничьих коллективов» [Turner 1894: 251].

Даже без использования на местах переправ эффективных каяков в течение нескольких дней хорошей охоты северные кочевники

добывали достаточное количество шкур, в которых нуждались семьи охотников зимой. Количество добытых животных могло исчисляться сотнями. Индейцы *кучин* северной Аляски, например, используя огороженные места, добывали до 400 животных за один раз [Blehr 1990: 308].

Пэрри (1824 г.) оставил одно из ранних описаний культуры центральной группы *эскимосов-инглулик*, охотников на карibu, до распространения огнестрельного оружия и контактов с белыми. Он писал: «Олень добывается эскимосами в большом количестве, частично гоним с островов или с мысов в море и затем поколкой их с каяков» [Spiess 1979:104]. Биркет-Смит упоминал о том, что в прежние времена эскимосы практиковали такой способ охоты, когда осенью до установления крепкого льда оленей выгоняли на каменный мыс и с него гнали на тонкий лед. Лед под их тяжестью ломался, и карibu становились легкой добычей охотников.

На основе литературных источников и информации, полученной от эскимосов в конце 1960-х годов, Е. Арима пишет: «Расстояние, которое проплывают карibu, достигает четырех миль, но часто они выбирают не столь широкие для переправ места. <...> Места переправ, на которых охотились *эскимосы-карibu*, обычно достигали несколько сот ярдов. Когда появлялись карibu, их не преследовали (даже если их было много) до тех пор, пока они не начинали переправу». *Харвагтормиуты* и *каирвагтормиуты* располагали стойбища у переправ, и им было запрещено пугать карibu, хотя, как пишет Стенховен, «переправы считались священными местами, где никто не мог поселиться» (цит. по: [Spiess 1989: 110–111]).

Если животные находились по ветру, то разжигали небольшой костер, чтобы карibu не почувствовали запаха человека. Когда олени начинали переправу, охотники обычно уже поджидали животных на противоположном берегу, сидя неподвижно в каяках. Они пригибались, прячась внутри лодок, и удерживали равновесие веслом, прижав его одним концом к борту лодки, другим — к берегу.

Когда карibu находились уже на середине реки и не могли повернуть назад, охотники на лодках быстро плыли к ним навстречу. Плывущих оленей окружали и, если это была река, направляли против течения. Стадо животных окружали для того, чтобы не только удерживать их от бегства, но и чтобы после забоя туши легче было вылавливать. Женщины и дети на берегу помогали удерживать карibu на воде, издавая резкие гортанные звуки. Когда первые каяки приближались к плывущему стаду, некоторые карibu ложились на бок и пытались бить копытами по борту лодки, поэтому охотникам нужно было проявлять осторожность и внимательность. После того как стадо окружали, сбивая в компактную массу, его направляли против течения. Обессилев, даже агрессивные животные успокаивались.

вались, после чего один из охотников в каяке «срезал» расстояние перед стадом, приостанавливая их плавание, чтобы начать поколки копьём, уже плывя по течению. Если каяков было много, кололи животных только двое охотников, а остальные, окружив стадо, делали передышку.

Такие группы охотников на нескольких каяках были идеальны для поколок. Если имелась только одна лодка, техника охоты была такова, что охотник поджидал на берегу, пока карибу не начинали переправу, в то время как другие участники охоты бежали позади животных и, крича, гнали их в воду. Когда в поколках участвовали два каяка, охотники могли поджидать животных на противоположных сторонах переправы на берегу. Когда карибу были неподалеку от берега, один охотник с этой стороны пронзительно кричал, отгоняя животных от берега, а когда животные, повернув обратно, приближались к другому берегу, кричал второй охотник, отгоняя животных обратно к центру реки. После этого охотники садились в лодки, перехватывали плывущих и теряющих силы животных с обеих сторон и кололи их [Spiess 1979: 147–153]. Самым важным условием удачной охоты было не допустить, чтобы карибу оказались ниже (по течению реки), чем охотник в каяке. В противном случае животные, сносимые течением, двигались быстрее, чем охотники плыли на лодке. Поэтому покольщики использовали 2–3 каяка, направляя их в те места реки, чтобы производить охоту, учитывая это обстоятельство. В том случае, когда стойбище охотников располагалось выше по течению (относительно места переправы оленей), плывущее стадо направляли по диагонали (относительно течения), в сторону стоянки. Если стойбище располагалось ниже переправы, животным позволяли сплавиться по течению в удобное для охотников место поколок. Когда охотник-эскимос брал в руки копьё и хладнокровно колол животное в «жизненно важное место», у оленя хватало сил только доплыть до берега. «Сотни раз, — писал Тернер, — я наблюдал охоту на реке и никогда не видел, чтобы во время поколок животные поворачивали обратно на тот берег, откуда они начинали переправу» [Turner 1894: 251].

Индейцы-охотники на карибу

На мигрирующих северных оленей охотились и североамериканские индейцы (рис. 2). Летом во время водных переправ индейцы *ванта-кучин* направляли свои каноэ прямо на спины плывущих карибу, чтобы дать возможность охотникам с копьями вплотную подплыть к стаду. Индейцы *танана* (центральная Аляска) также загоняли осенние мигрирующие стада карибу в воду и били животных с каноэ.

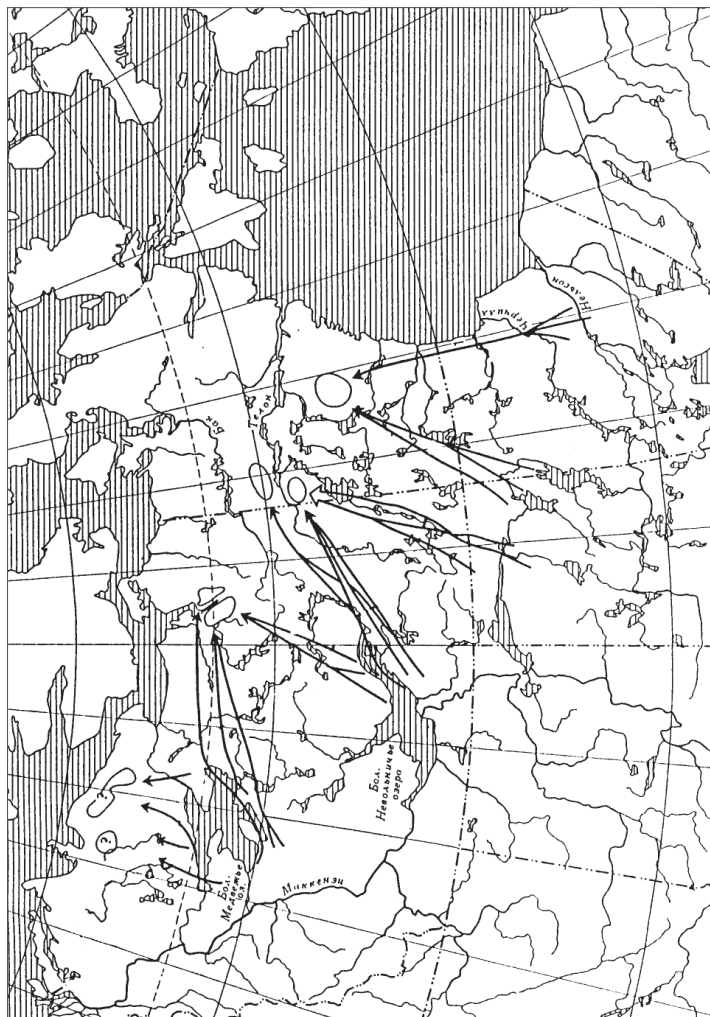

Рис. 2. Пути весенней миграции тундровых карibu в Канаде (по: [Крупные хищники и копытные звери 1978]).

Болотные Кри гнали лесные стада карибу в воду во время весенней миграции и закалывали столько животных, сколько было необходимо. Индейцы-беотуки Ньюфаундленда организовывали поkolки и загоняя животных в воду во время весенней и осенней миграций и направляя их в изгороди, ведущие к озерам [Spiess 1979: 290–291]. Охотники-наскани³, проживавшие в местности Унгава (к югу от расселения коксоагмиутов), охотились на лесные стада оленей, переплывающие р. Коксоак. Они направляли оленей вверх по течению, обессиливая их и делая более уязвимыми.

Одним из главных источников по истории *инну* Лабрадора являются наблюдения Вильяма Брука Кабота, который с 1899 по 1924 гг. осуществил множество поездок на северный берег Квебека и Лабрадора, где путешествовал с индейскими семьями и оставил великолепные фотографии [Loring 1997: 194]. В сентябре 1906 г. он посетил озеро Мистиниби и зафиксировал охоту на карибу. Стойбище индейцев располагалось на восточном берегу озера у места впадения в него реки. В.Б. Кабот посетил стойбище, где в трех жилищах (по конструкции сходных с сибирским чумом), покрытых оленьими шкурами, жили около 20–25 человек. Как отмечал исследователь, в стойбище проживали 4 мужчин и много мальчиков, которые участвовали в поколках диких оленей, стада которых достигали численности свыше 1 тыс. «Шкуры карибу, часть которых была без шерсти, лежали на всех невысоких деревьях и кустах вокруг стойбища. Неотчетливые части разделанных оленей были разбросаны по стойбищу и вдоль берега. Связки длинных костей были повешены сушиться на деревья, в то время как рога были сложены в кучи, заняв целую полосу земли около лагеря», — писал он. Численность животных, добытых этой маленькой группой охотников, была впечатляющей. Кабот отмечал: «Они закололи не менее 1200–1500 оленей за несколько недель. От 300 до 500 туш, ободранных и выпотрошенных, были разложены на каменистом берегу, они сильно высохли и почернели под солнцем и холодным сентябрьским ветром» [Loring 1997: 196]. Добыча животных со значительным излишком (больше, чем было необходимо для такой немногочисленной группы) несколькими охотниками *инну* была важным аспектом специализации охоты на карибу. Это не было просто совпадением благоприятных обстоятельств, так как подобные результаты охоты наблюдались у *инну* и ранее. Лоу (1897 г.) писал, что в течение зимы 1895–96 гг. *инну* около бухты Дэвис убили около 5 тыс. карибу. Работник компании «Гудзонов залив» Вэллас в 1907 г. в форте Чимо рассказывал, что охотники-индейцы закололи 400 ка-

³ Европейцы использовали этот этноним для описания индейцев-алгонкинов, которые жили во внутренних районах полуострова Квебек-Лабрадор во времена, относящиеся к началу постоянных контактов с европейцами.

рибу за несколько часов, когда животные пытались переплыть реку. То же вторили информанты-инну Вильяму Дункану, утверждая, что для охотника не представляло ничего необычного убить сотню или более карibu на месте переправы. Когда Вэллас был там в 1905 г., сотни животных были убиты только для того, чтобы получить сухожилия и языки. Шесть групп индейцев *наскани*, среди которых насчитывалось около 100 охотников, объединившись с индейцами Хаус Лэйк, охотились на диких оленей на одноименном озере ранней весной и летом, также закалывая с каноэ плывущих животных. За очень тяжелый и напряженный период охоты во время хорошего хода олень охотники *инну* могли обеспечить себя пищей не только на зимний период, но и, возможно, даже на целый год.

Четыре года спустя, в 1910 г., Кабот посетил заброшенное старое стойбище, которое уже называлось Deadfall («капкан, западня»), так как здесь ставили ловушки для добычи волков и лисиц. Теперь на месте стоянки виднелся огромный холм (3 или 4 м в диаметре и 10–20 см в высоту) раскрошенных костей карibu. «Здесь скопилось огромное количество раздробленных мозговых костей. Они были выварены дважды. То, что мы увидели, представляло собой скопление костей ног тысячи оленей. Само по себе это означало, что стоянка находилась здесь долгое время», — писал Кабот. Похожее место со скоплением раздробленных костей карibu видел Клиффорд Истон, который был на Джордж Ривер в 1905 г. В оставленном охотниками стойбище в верховьях реки он увидел груды раскрошенных костей около 10 м в диаметре и высотой 60–90 см [Loring 1997: 201].

Реки севера Сибири и охота на дикого оленя

Освоение в древности огромных территорий Евразийского Севера и Сибири было также теснейшим образом связано с охотой на диких северных оленей. С этими животными древние охотники продвигались на север вслед за отступающими ледниками, заселяя холодные высокие широты тундровых ландшафтов и редколесья. На территории Сибири в позднепалеолитических стоянках охотников чаще всего находят кости, принадлежащие северным оленям, лосям и медведям. Так, в начале изучения палеолитической стоянки Мальта (на р. Белой, притоке Ангары, в 85 км к западу от Иркутска) были обнаружены остатки свыше 400 диких северных оленей. В более поздних археологических памятниках также обнаружены следы деятельности охотников, добывавших диких северных оленей на огромной территории от Таймыра на западе до континентальной Чукотки на востоке.

Во время раскопок древней стоянки на Таймыре в междуречье рек Хета и Авам археологами были обнаружены остатки культуры охотников на дикого северного оленя, возраст которой относится к

IV–V тыс. до н.э. Массовые находки каменных орудий, предназначенных для охоты и обработки добычи, говорят об огромной роли промысла диких оленей. С этим же связано расположение крупных стоянок на миграционных путях этих животных. Расположение древних стоянок на современных миграционных путях диких оленей, как писал Л.П. Хлобыстин, — свидетельство того, что эти пути были неизменны с давних времен, по крайней мере с конца III тыс. до н.э. [Хлобыстин 1998: 150].

Если говорить о более близких к североамериканскому континенту районах, в частности о центральной Чукотке, то нужно предварительно вспомнить некоторые страницы геологической истории этого региона. Территория современной Чукотки испытала на себе два периода горно-долинных обледенений — зырянское (70–50 тыс. лет назад) и сартанское (27–10 тыс. лет назад). Именно последнее резкое похолодание и предшествующий ему период межледниковья исследователи связывают с приходом на Чукотку численности человека. В результате отступления океана, связанного с оледенением, между морем и ледниками возникли полосы суши, одна из которых (шириной около 500 км) протянулась от Таймыра к Аляске, включив в себя Новосибирские острова и остров Врангеля. Этим арктическим путем, идущим вдоль северного побережья, как считают специалисты, пользовались древние охотники [Очерки истории Чукотки 1974: 21].

После медленного погружения Берингии в воду, наступившего в результате отступления ледников и потепления (10–11 тыс. лет назад), основным объектом охоты в континентальных районах северо-востока стал дикий северный олень, пришедший на смену вымершему мамонту. В зависимости от колебания численности диких северных оленей и изменений миграционных путей крупных стад культуры палеолитических охотников и их потомков то развивались, то затухали. Тем не менее культура охотников на дикого северного оленя просуществовала не менее 15 тыс. лет, если вести отсчет от мадленской эпохи верхнего палеолита на территории Западной Европы.

Охота на дикого северного оленя на реках Восточной Сибири и Северо-Восточной Азии

«Оленья охота в воде представляет нечто необыкновенное. Шум нескольких сот плывущих оленей, болезненное харканье раненых и издыхающих, глухой стук сталкивающихся рогов, обрызганные кровью покольщики, прорезывающие с невероятной быстротой густые ряды животных, крики и восклицания других охотников, старающихся удержать табун, обогреть кровью поверхность реки — все вместе составляет картину, которую трудно себе вообразить» [Врангель 1948: 222].

На северо-востоке Азии (особенно в Анадырском районе Чукотки) с середины XVIII в. до начала XX в. северный олень был распространен в большом количестве. Относительно начала XVIII в. имеются свидетельства, что из «Анадырского острогу служилые люди и ясачные юкагиры плавают по Анадырь вниз для промыслу оленей» [Памятники Сибирской истории 1885: 524].

Одним из первых исследователей, указавших на места водных переправ диких оленей в первой половине XVIII в. на Чукотке, был Я.И. Линденау. Он оставил описание р. Анадыри (1741 г.), в котором сообщал: «Вниз по Анадыру Черкапой именуемый камень, на левой стороне от Яблоной речки, езды один день. Около того камня весною бывает оленья плавь. Герапол камень на правой стороне от речки Герапол. Около того камня бывает плавь. Караульной камень на правой стороне от камня Герапол. У того камня бывает плавь. Родионов камень на правой стороне, в верстах четырех от Белой речки. Осенью бывает тут оленья плавь. Река Лабазная впадает в Колыму с левой стороны на расстоянии одного дня пути от р. Ангарки. На реке Лабазной живут омоки. Здесь же имеется оленья плавь» [Линденау 1983: 161, 167]. В исторических заметках о Якутской области Г.Л. Майдель сообщал, что в середине XVIII в. поздним летом и осенью на плесе ниже от устья Белой на олений промысел собирались чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы и русский гарнизон из Анадырского острога. В рукописных заметках Н.П. Сокольниковца имеется указание, заимствованное, возможно, из преданий марковских старожилов. В нем говорится, что в старину, когда предки марковцев осели на Большом и Малом Анюях, там было так много много дикого проходного оленя, что в лесной пойме сооружали целые загоны, в которые олень попадал сотнями в петли из лосиной кожи [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 52]. В 20-х годах XIX в. дикие олени еще встречались в большом количестве на этих реках там, где существовали их переходы весной и осенью. Ф.Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф.П. Врангеля, бывший на охоте в августе 1821 г., писал: «Переходы оленей достойны замечания. В счастливые годы число их простирается до многих тысяч, и нередко занимают они пространство от 50 до 100 верст. Хотя олени всегда ходят особыми табунами, по 200 и по 300 голов каждый, но так отделиения следуют столь близко одно от другого, что составляют одно огромное стадо. Дорога оленей всегда одна и та же, т.е. между верховьями Сухого Анюя и Плотбищем. <...> Хороший, опытный охотник менее, нежели в полчаса, убивает до ста и более оленей» [Врангель 1948: 220–221]. Уже в следующем 1822 г. охота на оленей, по свидетельству Ф. Врангеля, была неудачной на обоих Анюях, и все местное население со страхом ожидало ужасов голода зимой.

«Наконец, 12 сентября на правом берегу реки, против Лабазного, показали отрада и спасение туземцев — бесчисленный табун олень покрыв все прибрежные возвышения. Ветвистые рога их колыхались как будто огромные полосы сухого кустарника. Все пришло в движение. Со всех сторон устремились якуты, чуванцы, ламуты и тунгусы пешком и в лодках, в надежде счастливой охотой положить предел своим бедствиям. Радостное ожидание оживило все лица, и все предсказывало обильный промысел. Но, к ужасу всех, внезапно раздалось горестное, роковое известие: “Олень пошатнулся!”. Действительно мы увидели, что весь табун, вероятно, уstraшенный множеством охотников, отошел от берега и скрылся в горах. Отчаяние заступило место радостных надежд. Сердце раздиралось при виде народа, внезапно лишенного всех средств поддерживать свое бедственное существование. Ужасна была картина всеобщего уныния и отчаяния. Женщины и дети стонали громко, ломая руки; другие бросались на землю, как будто приговаривая себе могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на те возвышения, за которыми исчезла их надежда» [Врангель 1948: 227].

«С некоторого времени олени, как будто наученные многолетними опытами, переменили сроки своих переходов. Прежде переправлялись они через Анюю летом вплавь, а ныне переходят весной и осенью по тонкому льду, и потому охота сделалась гораздо опаснее и часто бывает совершенно невозможна. “Ныне и олень стал мудрен”, — говорят юкагиры» [Там же: 274].

Г.Л. Майдель указывал на то, что в начале XIX в. места промысла диких оленей по Анюям стали беднеть. Животные из этих мест постепенно мигрировали далее на восток, и их уход послужил причиной того, что юкагиры были вынуждены откочевать на Омолон. Дикими оленями изобиловала область и к северу от Анадыря. «Кроме *Muodes torquatus* (лемминга), — писал Майдель, — по числу особей он (дикий олень) далеко превосходит всех остальных млекопитающих» [Майдель 1894, I: 63, 200]. Во время его пребывания в Якутской области охоту на оленей в больших размерах на переправах производили только на Анабаре, Оленеке и Анадыре, в других же регионах севера Сибири она почти совершенно прекратилась. Во второй половине сентября 1869 г. его экспедиция встретила стада диких оленей при возвращении от Анадырского лимана к р. Танюер. Примерно на полпути им уже начали встречаться дикие олени. «Очень резко бросалось в глаза большое количество попадавшихся нам диких оленей. Мы и раньше натыкались на незначительные стада их, но преимущественно на одиночных. Теперь же мы видели оленей ежедневно стадами по несколько сот штук, а одно из них зак-

лючало много тысяч голов. Оно держалось на пригорке, находившемся очень близко от того места, где мы расположились лагерем, и, по-видимому, ни мало не боялось нас. Амвраоргин (местный чукча. — *В.Д.*) выпросил себе у меня заряжавшееся с казенной части ружье и направился к стаду на своих запряженных парой оленей беговых санках. Животные так близко подпустили его к себе, что ему удалось убить пятерых из них прежде, чем остальные стали приходить в беспокойство. Несмотря на то, что пало пять оленей, стадо медленно оставило свое место, да и то только тогда, когда к нему подошли несколько чукчей, чтобы подобрать застреленных животных» [Майдель 1894, I: 184–185].

Охота в том году была очень удачна. Г.Л. Майдель застал у Утесиков (название местности в долине одного из небольших притоков Анадыря) массу убитых оленей, частью лежавших еще не ободранными в кучах. Один из блокгаузов был наполнен тушами до самого потолка, другой такой же, тоже сверху донизу наполненный битыми животными, незадолго перед этим сторел, а более тысячи оленей лежало еще на берегу [Майдель 1894, I: 186–187]. Одним из мест, где дикие олени переплывали через реку и где местные жители устраивали поковки, было Чекаево. «Этим именем, — писал Майдель, — не обозначают какое-нибудь определенное место, но часть реки вверх от впадения Танюрера, берег же вниз от последнего называется Красным. Но эта местность тянется на протяжении более сотни верст, и, таким образом, место охоты может быть намечено только приблизительно: каждый год нужно точно определить, где же животные перейдут через реку» [Майдель 1894, I: 201].

По словам местного жителя А.Е. Дьячкова из с. Марково, в 30-х годах XIX столетия «на Гребенке выше Ворожей, притока Анадыря в верхнем его течении», проживали чуванцы, юкагиры и ламуты, переселившиеся сюда из Колымского округа. В то время олень переправлялся в этих местах в таком огромном количестве, что чуванцам не нужно было ловить рыбу, а олень составлял единственное пропитание людей и собак. Однако для местных жителей это не продолжалось длительное время, так как олень вскоре совсем оставил эту переправу, что привело население «к ужасному голоду» [Дьячков 1893: 75].

С.А. Аргентов писал: «В 1847 г., по сообщениям любознательных промышленников, через Аной перешло оленей не менее 70 000; в прежние времена, говорят, было их здесь гораздо более. По уверению юкагиров, количество здешних оленей год от году постоянно уменьшается, это и неудивительно, если принять в соображение ежегодное истребление оленей. Сами же юкагиры столько иногда убивают оленей, что не успевают убирать их» [Аргентов 1860: 30–31]. Основываясь на сведениях, полученных от юкагиров, он сообщал,

что «анадырский олень зимует в лесах Гижигинского края, а телится и комариную пору проводит по Чукотским тундрам, от Анадырска (Анадырского острога) на северо-восток. Этот олень ежегодно переходит р. Анадыр (<...> колют также на р. Белой)». Что же касается анойского оленя, то он «зимует в лесах около гольцов между верховьями рек Большой Анной и Омолон в Колымском округе, а рождает и комариную пору проводит по побережьям Чаванской (Чаунской) губы. Крайние пункты, между которыми он каждогодно переходит, отстоят друг от друга не менее как на семьсот верст» [Аргентов 1860: 29–30]. В середине XIX столетия, как указывал В.Г. Богораз, во время плавей, когда русские и юкагиры охотились на многочисленные стада оленей во время их переправ через большие реки, противоположность быта речных и горных охотников служила причиной многих их раздоров и столкновений. Так, местные охотники, жившие по рекам, обычно перед приходом стад тушили все огни и удерживались от малейшего шума, чтобы не вспугнуть добычу. Пришлые же из горных районов охотники преследовали стада диких оленей и убивали всех животных, которые встречались на их пути. На Анадыре, в тех местах, где еще сохранялись плавь, враждебные отношения между поречанами и ламутами существовали до начала XX столетия [Богораз 1900: 64].

А.Е. Дьячков так оценивал ситуацию, характерную для 80-х годов XIX в.: «Количество дикого и домашнего оленя цифрой показать не могу. Я приведу примеры, по которым можно сообразить о приблизительной его численности. Когда дикий олень подойдет к самому Анадыру, то он, в одно и то же время, бывает виден по реке на расстоянии 400 или 500 верст, а иногда на плоской безлесой равнине олень представляет как бы живое море, и конца его и края глаз не может узреть. Такие скопления оленя в одно и то же время бывают не в одном месте, а в трех, четырех и более местах в одном здешнем крае» [Дьячков 1893: 27–28]. Дьячков указывал те места на Анадыре, где происходили главные переправы оленей: в устье Майна, ниже устья Белой, близ Утесиков и в Чекаевом. Менее значительные переправы происходили на р. Бараньей, ниже Еропола, в урочище Кутынкина, на реке Белой. О количестве добывавшегося дикого оленя можно было судить уже по тому, что жителям только с. Марково удавалось добыть за промысел до 3000 голов. Наряду со сведениями, которые указывали на многочисленность диких оленей в Анадырском крае, он упоминал также о колебаниях в численности и направлениях миграций крупных стад. Например, жители с. Марково иногда совсем не имели улова оленей, как и рыбы. Основная переправа оленей в устье р. Майн была не каждый год одинаковой; иногда ее совсем не случалось или она была незначительной, а иногда олени только показывались на противоположном бе-

реку реки и потом уходили в другое место. Главная переправа не всегда происходила и близ Утесиков. Даже в 1880-х годах колебания в численности мигрирующих оленей были значительны [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 57].

Сведения о стадах диких оленей на начало 90-х годов XIX в. сообщал М.И. Дмитриев. Со слов марковских жителей он передавал почти невероятные рассказы об огромных стадах, которые местные жители видели ежегодно. Они рассказывали, что первые стада диких оленей были так велики, что, начав переправу через реку рано утром, они целый день плыли непрерывной лентой, и лишь вечером, а иногда позднее эта переправа заканчивалась. Причем плыли животные такой плотной массой, что некоторые (главным образом, молодые особи) буквально держались на спинах плывущих оленей, представлявших собою как бы живой мост. Часто происходила давка, и немало животных гибло. Никто из промышленников не рисковал охотиться на воде в это время, так как подплыть к такой массе было очень опасно даже на большой лодке. Первые стада переправлялись беспрепятственно, и промышленники довольствовались уже идущими за этим стадом другими, меньшими по размеру. И таких огромных стад шло несколько в разных местах Анадыря. Сам Дмитриев в августе 1890 г., приехав на место промысла при устье р. Белой, уже не застал такой переправы, но видел здесь и выше по Анадырю каждый день по несколько стад от 10–100 до 500 голов диких оленей в каждом [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 58].

Во время своей зимней поездки из с. Марково на р. Пенжина М.И. Дмитриев встретил у подножья Налгимского хребта ламута с кремневым ружьем, который каждый день убивал здесь по несколько оленей. Дмитриев вспугнул поблизости стадо численностью около 100 голов, а затем другое, вдвое меньше. Насколько опасными для оленеводов были стада диких оленей, можно судить из его же рассказа: «Вдруг в одно прекрасное время чукча к ужасу своему видит, что на его табор двигается туча-тучей, со страшным шумом от стука рогов, шелканья копыт, громадное стадо дикого оленя, остановить которое никто и ничто не в силах. <...> Он достигает того только, что производит смятение среди оленей передних рядов стада, но на этих сзади напаирают другие, и дело кончается тем, что до селе богатый чукча, хозяин большого стада оленей, остается совершенным бедняком: дикие олени увлекли с собою все его стадо и увлекли безвозвратно» [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 59]. А.В. Олсуфьев, посетивший Анадырский округ в 1893 г., писал все о том же «несметном количестве» дикого оленя. Весь промысел марковских жителей он выражал средней цифрой в 2000 оленей. Он также указывал на колебания в численности диких животных. «За последние 25 лет, — писал Олсуфьев, — жители насчитывают три голодовки:

в 1877, 1888 и 1889 годах; в прежние же времена неуловы бывали чаще. Особенно, говорят, тяжело было в 1888 г.» [Олсуфьев 1896: 55].

В 1894 г., как писал Н. Гондатти, охота за диким оленем в Анадырском крае все еще играла серьезную роль в жизни местного населения, так как оленей добывали десятками и сотнями во время их миграций. Весной, когда олень шел по снегу или льду, бывало так, что на одном месте сразу убивали из ружей до 30–40 голов. Н. Гондатти называл те места, на которых население предпочитало промышлять дикого оленя. Главным местом весенней охоты являлась р. Майн в месте впадения в нее р. Анган и ниже, а для летней — Анадырь, в месте впадения в него р. Майн. Около Еропола оленя промышляли уже мало. «Прежде поблизости, — писал Гондатти, — он переходил и весной и осенью в большом количестве; но с тех пор как тут стали постоянно кочевать оленеводы, а в особенности ламуты, олень переменял свой ход и стал идти ниже; иные годы и теперь около речки “у балаганчиков” он идет хорошо, но уже не вплавь, а по рекоставу начиная с Покрова и до Рождества, а иногда и до Сретеньева дня. Бывают годы, когда он поблизости остается на зимовку, но большей частью проходит дальше к Русскому хребту; идет также и весной, с половины марта и до реколома, но почти все важеньки; быки проходят около Марково. <...> В 1894 г. проход оленя был незначительный и добыто всего 27 штук, исключительно весной» [Гондатти 1897: 74].

В конце 1890-х годов, по данным В.И. Иохельсона, стада диких оленей появились на р. Коркодон, хотя до этого времени в Колымском округе их было очень немного. «Ходового оленя, совершавшего прежде весной и осенью свои знаменитые “плави”, описанные старинными путешественниками, теперь чрезвычайно мало. Он еще в первой половине этого столетия эмигрировал, как полагают инородцы, на Анадырь. <...> Интересно, — продолжает исследователь, — что в последние два года (1896–97. — В.Д.) опять появился ходовой олень, переплывая небольшими табунами в 100–200 голов с “Каменной стороны” на тундру через Колыму выше Нижнего Колымска. <...> Весьма возможно, что ходовой олень предпринимает обратное переселение из Анадырского края в Колымский округ» [Иохельсон 1898: 46–47].

Н.П. Сокольников на период с 1897 по 1907 гг. сообщал о стадах диких оленей в несколько тысяч голов. Хотя при этом он упоминал, что в такие большие стада олени собирались только во время своих миграций, а остальное время животные встречались единицами или сравнительно небольшими табунами. Много диких оленей летом паслось в истоках р. Белой и в Пакульнейских горах, но на побережье собственно Чукотского полуострова их было очень мало. Сокольников указывал также, что пути оленей были не постоянны, и иног-

да они оставляли место, где перед тем «шли хорошо» несколько лет подряд. Иногда они, кроме того, запаздывали и переходили реку уже по льду [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 62]. Главные стада диких оленей переплывали через Анадырь там, где к реке подходили горные отроги: у Телеграфической, р. Красниковой, Чекаева, близ Утесиков, Усть-Белой, Кутынкиной и устья р. Майн. В одиночку и маленькими табунами олени переплывали р. Анадырь в разных местах, начиная от верховьев и до лимана. Остававшиеся с весны в речной долине олени (почти все самцы) часто переплывали Анадырь в обоих направлениях. Из своего десятилетнего (1897–1907) опыта Н.П. Сокольников заключал, что при самых благоприятных условиях на Анадыре могло быть добыто до 3000 оленей за весь сезон. Поворотным стал 1903-й год, так как с 1904 по 1907 гг. промысел на воде и с огнестрельным оружием стал совсем плохим. В 1905 г. Сокольникову писали из Анадырского края, что дикого оленя на Анадыре почти не стало [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 63].

Во время пребывания Л. Портенко на р. Пенжиной в 1931–1932 гг. ему обстоятельно рассказывали о «былых охотах» на оленей. В массовом количестве марковцы перестали их промысливать приблизительно с 1904–1905 гг., что полностью совпадает с указаниями Н.П. Сокольникова. А.И. Караев относил эту дату к более позднему времени — 1910–11 гг. «За последнее время, — писал он, — такие переправы оленей осенью на юг или весной на север через реку Анадырь перестали иметь место. Дикие олени перекочевали под влиянием частых гололедец и голода с востока на запад на верховья реки Чаун и Анадыря, где держатся, поднимаясь летом на вершины гор, а зимой спускаясь в долины» [Караев 1926: 140]. На начало 1920-х годов Караев определял численность диких оленей в Чукотско-Анадырском районе в 50 тыс. голов. Он писал: «Раньше, лет 12 тому назад, было много стад диких оленей. <...> Насколько велика была тогда добыча, можно судить по тому, что село Марковское, населенное до 350 душ, со множеством собак, иногда круглую зиму, почти 9 месяцев, кормились этими оленями, и пай на семью из 6–8 душ доходил до 300 штук» [Караев 1926: 140].

Как было упомянуто выше, дикие олени в большом количестве появились в Анадырском крае в середине XVIII столетия. Майдель указывал на то, что дикие олени, охота на которых была очень результативна во время пребывания Ф. Врангеля на Большом Анюе, со временем подвинулись далее на восток [Майдель 1894: 429]. Н. Гондатти также пояснял, что в 40–50-х годах XIX столетия чуванцы, юкагиры и ламуты переселялись с верхнего течения Анадыря в район с. Марково вслед за диким оленем, который стал совершать свои переходы, спускаясь постепенно все ниже по течению реки ([Гондатти 1897: 84]. У В.И. Иохельсона мы впервые находим прямое указание

на то, что в 90-х годах XIX столетия дикий олень мигрировал обратно в сторону Колымы. В 1930-е годы он совершал массовые переправы уже на Индигирке. По словам зоотехника Э.В. Шмидта, 10 лет работавшего на северо-востоке страны (от р. Алазея в Якутии до Берингова моря), дикие олени в 1920–30-е годы все еще были обыкновенны в верхнем и среднем течении рек Омолона и обоих Анюев. В одни годы его добывали много, в другие — сравнительно мало. В низовьях Омолона и Большого и Малого Анюев диких оленей совсем не встречалось. Только между Анюями и верховьем р. Бараниха изредка встречались единичные животные и небольшие табуны [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 66]. В 1930-х годах на всем северо-востоке Азии (к востоку от р. Колыма) регулярных миграций диких оленей не наблюдалось, так же как не было и массовых переправ и охоты на плавах; последние сохранялись только на Индигирке, близ Русского Устья.

В Русско-Устьинском районе весенний сезон охоты начинался с наступления ледохода и продолжался до 12 июля, а осенний проходил во второй половине августа. Промышленники, собравшись по 5–10 человек в лодках, находились, притаившись, у противоположного (от прихода оленей) берега. Они позволяли доплыть оленям до середины реки, а затем плыли на лодках навстречу, быстро окружали стадо и кололи животных копьями. Примечательно, что, как и в некоторых других северных районах Сибири, местным обществом было запрещено стрелять оленей из ружья. Запрет этот был связан с тем, чтобы уравнивать всех охотников в возможности добычи зверя, так как у многих жителей не было огнестрельного оружия, но практически у всех были копья [АРАН. Ф. 47. Оп. 2. № 172. Л. 191–192].

«Марковцы, — писал Сокольников, — кололи летнего оленя на Усть-Майне, где у самого впадения Майна в Анадыр на правом берегу было у них несколько поварен. После Петрова дня, чтобы не пострадал рыбный промысел, доставляющий марковцам и их собакам главное пропитание на год, на Усть-Майн уплывало 10–15 душ, но и в первых числах сентября, по окончании валового хода рыбы на Усть-Майне собиралась не более 20–25 промышленников. <...> У поварен и на “караулках” местные охотники постоянно следили за направлением ветра. По противоположному берегу, откуда должны были начать переправу дикие олени, люди не ходили и старались всеми мерами не допустить туда раненых оленей. Как говорили местные жители, “уснутой” (т.е. мертвый олень на тропе или на берегу) отпугивал живых» [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 63]. Благодаря острому зрению и умению заметить малейшее движение на далеком расстоянии охотники видели оленей в тундре, находящихся еще далеко от реки.

«Наконец в глубокой тишине раздаётся тихое хлопанье; это шум, постоянно производимый оленьим стадом и происходящий от того, что короткие задние копыта животных ударяются одно о другое; его слышно на довольно большом расстоянии. Вскоре после того на береговом вале появляется лес рогов первой фаланги, предводительствуемой четырьмя или пятью самками. Делается последняя остановка: высоко подняв голову и расширив ноздри, предводительницы еще раз обнюхивают воздух со всех сторон, еще раз испытывающим взглядом окидывают противоположный берег и, не заметив ничего подозрительного, медленно спускаются к реке и входят в воду: за ними тотчас же следует фаланга, а затем и следующая, чтобы идти на свою погибель уже без остановки и без возврата» [Майдель 1894, I: 202–203].

Олени переплывали реку только днем. Подойдя к самой воде, они не плыли сразу, а некоторое время ходили и бегали вдоль берега, иногда на довольно большом расстоянии. Не почуяв опасности, они бросались в воду и плыли через реку.

Промышленники поджидали добычу на дощатых лодках несколько ниже по реке (возле самого берега), так как животных обычно сносило течением. Если оленей плыло такое количество, что охотники рассчитывали их быстро переколоть, то подпускали животных довольно близко. Если плыл большой табун, то нужно было захватить его на середине реки, чтобы до обоих берегов было далеко. Подплыв ближе к оленям, охотники взмахами весел заворачивали табун в нужном направлении и, охватив его с трех сторон, не давали животным разделиться. Настигнув оленя, охотник подгребал к правому боку, быстро положив весло, хватал копье двумя руками и колот справа налево в верхнюю заднюю часть спины. При ударе у самого хребта, с рассечением аорты олень погибал сразу. Иногда случалось, что кто-то из промышленников попадал на своей лодке в середину плившего табуна и был зажат оленями. В этом случае ему было необходимо колоть не ближайших, а последующих животных, так как метание оленей могло потопить охотника. «Человек, — писал Майдель, — не должен подпускать к себе оленей: животные в этом случае кидаются с испуга на ветку, которая легко опрокидывается, возвышаясь бортами над поверхностью воды всего на два или самое большее на два с половиною пальца» [Майдель 1894, I: 203]. На мелководье, где олень чувствовал под собой дно, его уже нельзя было повернуть обратно, и, несмотря ни на что, животное выскочивало на берег.

Четыре–пять хороших покольщиков из с. Марково, захватив большой табун достаточно далеко от берега, успевали за день заколоть до 150 оленей. Женщины и подростки тем временем на карба-

сах перехватывали плывущих вниз заколотых оленей, которые не тонули в воде, и буксировали к берегу. Марковцы на этой охоте были «очень запальчивы» и на своих утлых ветках пускались преследовать животных даже в такой сильный ветер, «что у подбрасываемых волной оленей бывали видны задние копыта» [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 73].

Олени поволоки на воде были для промысловиков достаточно опасными. Так, среди оленей встречались «дракливые» животные (обычно из взрослых быков), которые сами бросались на настигавшего их поволоки и старались ударить ветку передними ногами. Опытные промышленники узнавали такого оленя по тому, как он часто оглядывался на преследователя и храпел. При поволоке нужно было особенно остерегаться бить животное в пах. У оленя это, как говорили марковцы, «очень щекотливое место», и, пораженный в пах, олень моментально опрокидывался на бок. Ударом задней правой ноги по дровку копыта, которое охотник еще не успевал выдернуть из раны, олень мог опрокинуть поволоки в воду [АРАН. Ф. 735. Оп. 3. № 15. Л. 74].

Охота на северного оленя между Таймыром и Леной

Охота на диких северных оленей издавна играла огромную роль в жизни населения, проживавшего в междуречье Лены и Хатанги, и была одной из основных составляющих жизнеобеспечения северных кочевников.

На территории этого огромного региона обитают две популяции дикого северного оленя: таймырская (самая многочисленная на евразийском континенте) и ленско-оленинская, сильно сократившаяся к первой четверти XX в., но увеличивающаяся в численности поголовья в настоящее время.

В 1920–1930-е годы дикие северные олени обитали в большом количестве в бассейне р. Хатанги, на левобережье р. Анабар, в бассейне нижнего течения р. Оленек, на островах дельты р. Лена. Регулярно из года в год в зависимости от сезонов они совершали миграции от побережья Ледовитого океана в лесную зону и обратно. Во время них дикие олени, как и прежде, сохраняя основное направление передвижения, с годами изменяли проходные пути, места водных переправ и дислокацию зимних и летних пастбищ.

«Дикий олень появился в большом количестве в этих местах лет 40 назад, потом, лет 10 назад, исчез. Олень пришел для того, чтобы накормить и одеть нас. Теперь он нас накормил, обул, одел и ушел в другие места, где люди голодают, разуты и раздеты» (объяснение причины исчезновения дикого оленя в некоторых местах меж-

ду Оленеком и Анабаром в 1933 г. тунгусом Лапаром). «В наши места олень переселился из Анабарского района; сюда же переселились вслед за ним и люди; многие из них так здесь и осели. Теперь, по слухам, олень много на р. Анабар, так же как было лет десять назад у нас» [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 218].

Причинами изменений миграций являются несколько факторов, которые зависят от условий года и влияют на состояние и доступность кормов. Так, пастбища на путях ежегодных миграций постепенно вытаптываются животными, случаются пожары и гибнут ягельники и т.д., что приводит к смене проходных путей. На изменение путей миграции влияют также погода и направление господствующих ветров. Так, в теплую дождливую осень дикие олени при миграциях движутся медленнее, а с наступлением заморозков их перекочевки происходят быстрее. Господствующие ветра влияют на пути миграции тем, что олени всегда движутся против ветра, поэтому животные могут изменять свой маршрут, отклоняясь на десятки километров вглубь тундры или, наоборот, продвигаясь вдоль реки или залива.

Погода непосредственно влияет также и на сроки начала и окончания миграции. Так, например, в Хатангском районе у мыса Корго в 1937 г. массовый весенний ход оленей начался в середине апреля, а на следующий год, когда весна наступила раньше, — с начала апреля. Осенняя массовая миграция северных оленей в 1937 г. началась здесь 24–25 сентября и закончилась в основном 20 октября, а на следующий год из-за затянувшейся осени — несколько позже: первые животные появились в начале октября [Друри 1949: 52].

Таймырская популяция дикого северного оленя — одна из крупнейших в мире: в 1985 г. в ней насчитывалось около 600 тыс. животных, а ареал ее распространения занимал около 1200 тыс. кв. км. Общая протяженность миграции животных только в одну сторону достигала 1,5 тыс. км [Сыроечковский 1986: 40].

Когда в арктических тундрах начинает резко холодать (обычно в первой половине августа), крупные стада начинают распадаться. Начиная движение в южном направлении, животные широко расходятся по тундре (рис.3). Восточная группа популяции, разбиваясь осенью на две ветви, обходит озеро Таймыр с востока и мигрирует на юг (через р. Хета) в горы Путорана. Одна ветвь обходит верховья рек Большая Балахна и Новая и идет на юг через озера Лабаз и Харгы. Другая, большая часть, переправившись через рр. Гусиха и Большая Балахна (в нижних их течениях), мигрирует все дальше к югу и переплывает Хатангу в юго-восточном направлении на участке между мысом Большое Корго и устьями рр. Попигаи и Блудная. Отсюда основная масса диких животных уходит в горный район —

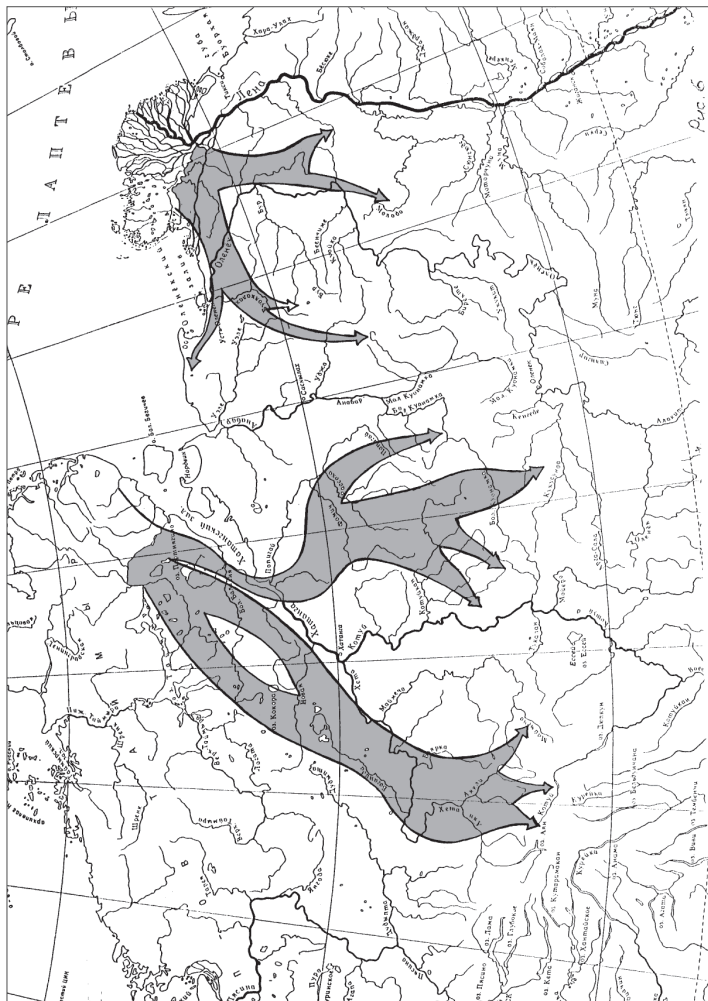

Рис.3. Осенняя миграция диких оленей на территории Ленско-Хатангского края.

в верховья Попигая, Рассохи и в систему верховий правых притоков Хатанги и левых притоков верхнего течения р. Анабар⁴.

Большие стада оленей, начиная миграцию, далее распадаются на мелкие группы (по 15–25 животных), широко расходясь по пастбищам тундры и лесотундры полуострова Таймыр и прилегающих к нему территорий. Осенью скорость движения смешанных стад возрастает до 15–20 км, а в конце сентября — до 80 км в сутки. Многочисленные водные преграды животные преодолевают без особых затруднений. Олени хорошо плавают: по оценкам специалистов, 1100 м они преодолевают за 12 мин. [Дикий северный олень в СССР 1975: 6]. Обычно животные приходят на одни и те же известные им переправы, находящиеся, как правило, в наиболее узких местах рек и озер, на мелководьях в сочетании с речными и озерными островами с отлогими и открытыми подходами.

В Хатанго-Анабарском районе на диких оленей охотились, главным образом, осенью (в конце сентября — ноябре), когда они стадами в несколько десятков тысяч голов мигрировали с Таймырского полуострова через Хатангу в бассейн р. Попигай. Охотились на них и весной: в марте, апреле и мае, когда животные из области притундровых лесов мигрировали на таймырский берег. Примерно в те же сроки охотились и на востоке Лено-Хатангского междуречья. Здесь по островам дельты Лены, кроме того, охотились на диких животных в летний период.

По словам местных охотников, четыре года подряд (до 1926 г.) олени в осеннюю миграцию шли севернее устья Попигая, переходя р. Блудная, а не через Хатангский залив [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 168]. В осеннюю миграцию оленей, двигавшихся на юг и подходивших к р. Б. Балахна, поджидали охотники-оленоводы, которые располагались фронтом по этой реке почти от ее верховьев до устья. Натыкаясь на эту «преграду», стада двигались по левобережью р. Большая Балахна и через Хатангский залив. Здесь они подходили к еще не замерзшему заливу и двигались вдоль берега на юг. И только напротив устья впадающей в залив р. Попигай животные находили более узкое место, покрытое льдом. Начиналась переправа, которая длилась около трех недель (примерно с 14 октября до 10 ноября). Все животные, окончательно переправившись через залив, уходили между реками Блудная и Попигай на юг.

Осенью 1934 г., по словам местных охотников, в районе р. Большая Балахна стада диких оленей появились в конце сентября. Подойдя к широкому незамерзшему заливу, часть животных направилась в систему р. Хета, а остальные ожидали, когда замерзнет залив,

⁴ В 1980-е годы основной осенний миграционный поток таймырской популяции отмечался на участке между оз. Пясино и пос. Волочанка, где проходило около 300 тыс. животных [Сыроечковский 1986: 44].

и перешли через него по льду. При переправах через Хатангский залив некоторые животные пускались вплавь, не ожидая, когда залив замерзнет. По сведениям одного из геологов, работавших на обоих берегах Хатангского залива в 1933, 1935–36 гг., дикие олени осенью (в конце сентября) скапливались на западном берегу Хатангского залива. Приблизительно четвертая часть поголовья животных переправлялась через залив в самом узком месте, напротив мыса Большое Корго. Основная же масса оленей переходила его в октябре по льду [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 294].

Время прихода диких оленей к местам переправ в Хатангском районе по годам бывало различным. Появление их здесь зависело, очевидно, от того, когда замерзали р. Хатанга и Хатангский залив. Первые стада переправлялись на другой берег вплавь, большая же часть оленей переходила залив и р. Хатанга уже по льду.

В 1934 г. переход через р. Хатанга был сопряжен с большими трудностями для стад диких животных. Река рано покрылась тонким льдом и сразу же выпал снег. Олени, в большом количестве скопившиеся на берегу, увидев снежный покров, стали переправляться по льду залива и р. Хатанги. Тонкий лед не выдерживал оленей и проваливался, вынуждая животных, ломая его, продвигаться дальше вплавь. В пути животные теряли силы и возвращались обратно. Обессилившие и продрогшие, они лежали на прибрежных песках. Тогда многие из них погибли от холода. Те животные, которые смогли переправиться, выходили на берег, покрытые ледяным панцирем. После этого мясо добытых охотниками оленей, несмотря на то, что было жирным, оказывалось безвкусным. После этой неудачной переправы олени двинулись через р. Хатанга уже только после того, как окреп лед. Такая массовая миграция, по оценкам старожилов, наблюдалась еще только в середине 1870-х годов.

Северные дикие олени лено-оленинской популяции из западной части дельты Лены осенью мигрировали на юго-запад и, переправившись через Оленекскую протоку, уходили в отроги хребта Чекановского. Отсюда основное поголовье оленей, сохраняя юго-западное направление, переходило р. Оленек и шло на верхние ее притоки.

Олени, имеющие летовки в восточной части дельты Лены, переходили Быковскую протоку и, углубляясь на юг вдоль хребта Хараулах, рассеивались в лесной полосе [Друри 1949: 45–46]. В марте после почти четырехмесячного пребывания на местах зимовок стада начинали укрупняться, движение их вновь приобретало направленный характер, они начинали стягиваться к проходным путям и двигались на летовку в тундры.

Осенний ход оленей Нижнеленского (Булунского) стада в 1926 г. длился с 14 сентября по 14 октября. В это время они уходили к югу смешанными стадами по 20–60 голов. Часть зимовала на острове

Эрге Муора Сигя (северная часть Ленского архипелага), а редкие небольшие стада — в районе, находящемся ближе к острову Дунай. Осенний промысел местные охотники вели, главным образом, на водных переправах.

Путь стад из дельты Лены в лесную зону проходил через Оленекскую протоку, р. Оленек (близ устья р. Лукумай), р. Уджу, систему правых притоков р. Анабар. Иногда, переправившись через р. Оленек, животные мигрировали на запад до устья р. Анабар и потом поворачивали на юг в лесную зону. Весной здешние кочевники выезжали охотиться на левый берег р. Анабар в хребет Сюрях Джянгы и систему рек Харабыл и Суолема.

Ход мигрирующих стад через р. Оленек (у с. Усть-Оленекское) на северную оконечность Хараулахского хребта и в дельту Лены начинался 20 марта, заканчивался 15 мая. Почти все дикие олени уходили на летовку на острова. Отел животных происходил с 15 мая по 5 июня в горах хребта Чекановского, после чего важеньки с телятами уходили на острова [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18, Лл. 181–184].

Организация и техника промысла диких оленей на воде

«<...> около Жиганска, когда олени через реку плывут табунами, тогда, в легких лодках однодеревых к ним подъезжая, колют; на тундрянных местах, близ моря находящихся, оленей летом скрадывают (стерегут) около больших озер следующим образом: в легких лодках, в коих одному человеку сидеть можно, на озере люди себя скрывают, пока другие с тундры собаками оленей не погонят, которые, спасаясь от собак, бросаются в озеро; тогда в тех лодках догоняют их и столько колют, сколько до выхода их на другой берег успеть могут» (извлечение из записок Лангаса) [Сибирский вестник 1825: 1530].

Охоту на воде практиковали в широких масштабах по всему Лено-Хатангскому краю в тех местах, где находились места речных и озерных переправ диких оленей. Большинство переправ располагалось на крупных реках. Особенно много их было в районе материковых протоков Лены и в низовьях Оленека. Значительное количество таких мест находилось на Центральном Таймыре, в бассейне р. Хатанги и Хатангского залива. На восточном Таймыре мигрирующих диких оленей промыщляли осенью с веток главным образом на переправах, расположенных по р. Большая Балахна.

Охота на диких северных оленей с использованием собак была распространена как в Ленском крае (согласно приведенной выше выдержки из источника начала XIX в.), так и на Таймыре. А.А. Попов сообщал, что у долган и нганасан одиночных диких оленей собаки загоняли в воду, и охотник, настигнув животное

на лодке, закалывал его копьём [Попов 1937: 166]. Нганасаны использовали собак и при массовой охоте загонем оленей в воду. Обнаружив пасущихся возле озера диких оленей, охотники втыкали махавки из крыльев куропатки, которые образовывали линию, идущую к воде. Другую линию, также ведущую к озеру, промысловики образовывали сами. По образовавшейся «аллее» с помощью собак оленей гнали в воду, где животных и кололи с лодок копьями [Попов 1948: 32].

При озерной поколке выбирали водоем, окруженный с одной стороны высокими берегами, с другой — имеющим пологий берег с глубокой вдающейся в озеро косой. Озерная поколка у р. Большой Балахни, описанная А.А. Поповым, производилась следующим образом. Чумы охотники обычно устанавливали на высоком берегу озера. Чтобы не вспугнуть зверя, их ставили на некотором расстоянии от обрыва. На противоположной стороне озера, на плоской косе, втыкали одну за другой две линии палок высотой до 1,5 м, образующих расширяющуюся аллею. На них нанизывали куски дерна (рис.4). Правый ряд аллеи, состоявший из 20–30 палок, тянулся приблизительно на 2 км и упирался в другое озеро. Левый ряд из 40–50 палок упирался одним концом в речку. Таким образом, получалось нечто вроде изгороди.

Распорядителем поколки выбирали опытного охотника, а покольщиками — молодых и сильных людей, которые были бы и опытными гребцами. После установки аллеи ждали появления диких оле-

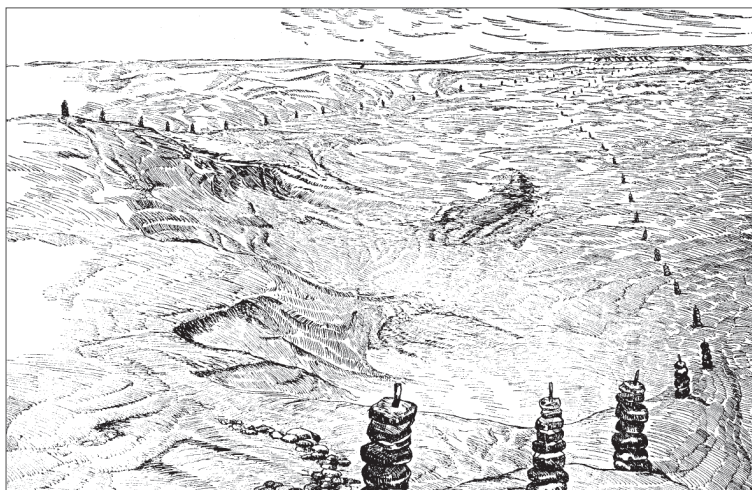

Рис.4. Общий вид загонной ограды при поколке на р. Пясина (по: [Попову 1948: 35]).

ней. Покольщички с лодками скрывались в долинах речек, прорезающих высокие берега озера. В конце левого крыла аллеи ложился охотник, который не давал оленям разбежаться в стороны. Другой охотник, держа в руках снятую одежду, прятался посередине правого крыла аллеи. Когда появлялись дикие олени, первый охотник не пускал их в сторону, а второй, пропустив вперед, вставал и, размахивая одеждой, загонял в воду. Один из охотников с луком прятался у основания правого крыла аллеи. Он должен был стрелять по убежавшим назад оленям. Когда олени доплывали до середины озера, 5–6 покольщичков выплывали на лодках с длинными (до 4 м) копьями. Они быстро подплывали к оленям и закалывали их копьем, держа его в правой руке и стараясь попасть в заднюю часть животного. Заколотых оленей по несколько вместе привязывали за шеи и притягивали на веревке к берегу. Добыча при коллективных поколках распределялась поровну между всеми участниками. По окончании поделки семья охотников собиралась на берегу и принимались за разделку туш.

Установленные два ряда палок с дерном, «аллеи», достигали длиной до 5 км. Узкий открытый конец аллеи, упирившийся в реку или озеро, имел 50–100 м ширины, что, конечно, зависело от рельефа местности (рис. 5⁵).

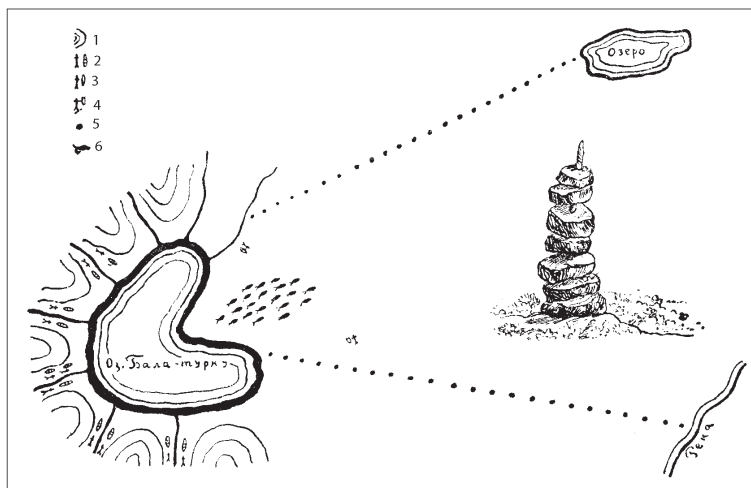

Рис.5. План поделки у нганасан на оз. Бала-турку (по: [Попов 1948: 33]).

⁵ Поделка нганасан на озере Бала-турку: 1 — горы; 2 — лодки и лежащие около них покольщички; 3 — охотники с луками; 4 — махальщички; 5 — палки с дерном; 6 — дикие олени.

Особенно эффективной в конце первой трети XX в. бывала охота на переправах через Оленек и ленские протоки, где животных кололи на воде сотнями и тысячами. В низовьях только одного Оленека осенью в четырех местах ежегодно добывали до 4 тыс. оленей. По рассказам в 1930-х годах одного из охотников с р. Оленек, раньше здесь оленей было так много, что, когда дикие животные переправлялись через эту реку и голова стада уже выходила на противоположный берег, «хвост» его еще только спускался в воду [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 631]. За время охоты на переправе добывалось в среднем до 60 оленей на семью. Этого мяса хватало на семью из 4–5 человек до конца ноября (мясо взрослого оленя-быка съедали за три дня). Конечно, годы по удачливости охоты были разными. Это зависело от многих причин, в том числе от направления и мест миграции дикого оленя. Так, в первой четверти XX столетия на переправах Арынского Совета, расположенного в дельте Лены, за сезон добывалось до 200–300 оленей на каждого охотника. Однако в следующее десятилетие миграционные пути северного оленя изменились, и добыча стала ограничиваться 5–10 животными на охотника.

Во время массовых миграций случалось на одной переправе в день добывать до 200 животных (при четырех покольщиках и нескольких береговых загонщиках). По словам охотников в 1930-е годы, среди них были промышленники, которые в одиночку выбивали стадо до 60 голов (в низовьях Лены один из Арынских охотников заколол в один прием на Крестяхской протоке около 100 оленей). Два хороших охотника добывали, таким образом, до 130 оленей. Во время хорошего хода на каждой из переправ, расположенных по Оленеку, добывали до 500–600 животных. Обычно же за день добывали в среднем 30–40 оленей.

В жизни местного населения охота на плаву имела большое экономическое значение. Она регламентировалась особыми правилами, издавна выработанными охотниками: все места переправ закреплялись за определенными родами, а внутри них — за отдельными семьями, которые объединялись на время совместных перекочевков. Охотники, приходившие из другой местности, могли промыслять здесь только с согласия всех членов группы, проживающей на данной территории. Получив разрешение, они должны были подчиняться существующему порядку коллективного промысла, а при разделе добычи получали одинаковую долю с владельцами переправ.

Перед началом промысла охотники выбирали одного или двух наиболее опытных промысловиков, которые руководили охотой. На каждой переправе для дележа добытого зверя из наиболее авторитетных, добросовестных членов стойбища выбирали старшего для распределения паев. Это было его основной функцией, хотя он же руководил охотой. Во всем остальном он находился на равных пра-

вах с другими промышленниками переправы. Поколки на воде производились коллективно, но каждый участник имел определенные обязанности и знал свое место во время охоты. Поколкой занимались наиболее опытные охотники и хорошие гребцы на лодках. Промысловики, не обладавшие большим опытом, обычно садились в лодки-ветки и удерживали стадо на воде, не давая выходить животным на берег. Женщины и малоопытные охотники оставались на берегу, в их обязанности входили, главным образом, свежевание и разделка убитых животных, а во время охоты — загон пытающихся выйти из воды оленей обратно в реку.

Открытие охоты определялось временем подхода оленей и началом переправы стад. На востоке Хатанго-Ленского региона обычно этот период наступал в середине августа и длился до десятых чисел сентября, продолжаясь 20–25 дней, до наступления ледостава. К этому времени все охотники оставляли дела и причевывали к переправам. В бассейне реки Оленек, например, они останавливались на левом берегу и на противоположной стороне левых ее притоков недалеко от обычных мест переправ животных. Стойбища располагали так, чтобы оно было незаметно оленям, появлявшимся на противоположном берегу.

Около переправы оленей иногда устанавливали до десяти и больше «дымов» (чумов). Расположившись около переправы, все население стойбища сосредоточивало внимание на оленях. В ожидании животных они подготавливали лодки-ветки, оттачивали наконечники копий и насаживали их на древки. Железный наконечник копия длиной около 20 см имел втульчатую насадку и был листообразной формы, что позволяло легко вытаскивать его из тела оленя после нанесения колющего удара. Длина древка составляла 3–4 м. Для наблюдения за переправой члены стойбища устанавливали поочередное дежурство. Каждое утро, как только начинал проглядываться противоположный берег, охотники выходили к реке. Здесь они дежурили весь день, пока дальний берег не скрывался в наступивших сумерках. Ночью наблюдений не вели, так как в темноте олени реку не переплывали.

К местам переправ в осенний миграционный сезон дикие олени подходили не непрерывно, а через некоторые временные интервалы: 4–5 дней они не появлялись, затем примерно столько же дней шли. В голове стад находились обычно важеньки с телятами, одна из которых являлась вожакom. Первые олени двигались к местам переправ небольшими группами от 10 до 40 голов. Стада шли одно за другим и скапливались иногда до тысячи и более голов. Одновременно переправлялись сравнительно небольшие стада, самые многочисленные из которых состояли из 200–300 животных. В редких случаях численность переправляющихся стад достигала 500 оленей.

Обычно стада, подошедшие к воде вечером, переправлялись не ранее следующего утра и, как правило, спускались в воду бегом. Иногда животные шли вдоль берега километра 3–4, выбирая удобное место. Тогда на ветках за ними скрытно следовали охотники. Некоторые стада (особенно подошедшие первыми) не решались переправляться два–три дня, а иногда уходили берегом к другой переправе. Первые стада переправлялись через реку или залив в относительно тихую погоду, но основная масса животных и особенно запоздавшие олени осуществляли переправу независимо от погоды. Очень часто они переплывали водную преграду в сильный шторм. В такую погоду волны часто накрывали оленей с головой, однако, несмотря на это, стадо шло в воду. Случаи гибели охотников во время сильных ветров были не редки, поэтому в сильный шторм они не решались выплывать на ветках, опасаясь перевернуться, и олени переплывали реку беспрепятственно. Для переправ через реки олени обычно выбирали места с медленным течением и отмелями от берегов, где находились удобные подходы к берегу. Первыми шли в воду старые важенки, которых в стаде было почти всегда больше, чем быков. Олени спускались поочередно группами и плыли стадом во главе с важенками. Если место переправы было достаточно широким, то олени плыли несколько наискось, а в узких местах переправлялись перпендикулярно течению. При этом стадо относилось течением недалеко. Олени плыли очень быстро, мало погружаясь в воду. Благодаря густой шерсти, трубчатому строению волоса, в котором образуется воздушная прослойка и накопленному в это время года жиру они не погружались в воду более чем на две трети и убитое на воде животное не тонуло. На переправах, если животных не вспугнули, они плыли стройно, вытянувшись в несколько рядов друг за другом. В голове плыли обычно более сильные, взрослые особи, в хвосте — более слабые и молодняк. Во время переправы больших стад иногда задние животные теснили тех, которые находились в голове группы. Тогда стадо путалось, некоторые олени уходили с головой под воду и «волочились» в середине стада, затем всплывали и продолжали движение вместе со стадом. Во время охоты на воде, когда олени были сильно испуганы, они часто путались рогами и тоже уходили на некоторое время под воду, но не тонули при этом.

Иногда охотники ждали поколок несколько дней. Часто на противоположном берегу скапливалось много оленей, но переправляться они не решались. Но вот погода начинала быстро портиться, замерзали мелкие ручьи и речки, по утрам в тихих местах появлялся лед в преддверии шуги. Этот момент являлся началом массовой переправы через реку. Она длилась 5–6 дней и была для охотников самой горячей порой. Ежедневно они добывали столько животных, что до конца дня не успевали освежевать и разделать все туши. Наи-

более массовые переправы, как отмечалось, происходили с появлением на воде шуги. Случалось, что олени проламывали забереги, когда воду уже начинал сковывать лед. Они могли попытаться пройти по заберегу, но, однажды провалившись, животные возвращались обратно, дожидаясь полного рекостава. При полной шуге олени не переправлялись, и в это время промысловики не охотились. В большом количестве во время осенней миграции олени переправлялись также по льду замерзшей реки или залива. В протоках Лены большой шуги не бывало, так как они очень быстро замерзали. Местные жители предпочитали охотиться здесь до установления льда. Они не раз замечали, что бывали случаи, когда стояла хорошая погода, но олени продолжали оставаться на противоположном берегу и не переправлялись до наступления заморозков. И только после наступления морозов животные переправлялись уже по льду. Как только река вставала, и лед уже мог выдержать тяжесть оленя, стада переходили реку. По гладкому льду Лены, Оленека и Хатанги олени (обычно это были запоздавшие животные) шли очень осторожно. При переходах по недостаточно окрепшему льду бывало, что олени проваливались и иногда погибали, не имея возможности и сил выбраться на лед. Но обычно такие животные выбирались на лед и выходили на берег. В том случае, когда олень проваливался под лед недалеко от берега, он наваливался боком на кромку льда и, постепенно ее обламывая, выбирался на сушу. После выхода на берег эти олени сильно обмерзали, покрываясь ледяным панцирем, который бывал до того прочным, что его с трудом пробивала пуля. Как подмечали местные жители, «сухой» олень в воде держался дольше и в конце концов выходил на лед. Жирный олень погибал через 12–18 часов пребывания в ледяной воде, так как, по словам охотников, «у него замерзал жир» [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 633].

Охотники все время следили за движением стад диких оленей, которые продвигались к местам переправы, где их уже поджидали промысловики (рис. 6). Весть о стаде, переправляющемся через реку, ставила всех обитателей стойбища на ноги. Увидев издали приближающееся стадо, охотники (если еще не установился лед) садились в лодки и направлялись к месту, где олени должны были спуститься к воде. Плыли очень осторожно, скрываясь под берегом и в излучинах, чтобы животные их не заметили. Если олени замечали опасность, то они поворачивали обратно и, уходя далеко, переправлялись в другом месте. Выждав в ближайшем укрытии, когда животные вошли в воду и поплыли, охотники, уже не скрываясь, спешили к стаду.

При переправе через такую широкую реку, как Оленек (особенно в нижнем ее течении), в охоте участвовали от 3–4 до 6–8 лодок. Охотники окружали стадо в кольцо и направляли против течения,

Рис.6. Охотники на лодках в дельте р. Лена (фотоколл. МАЭ. № 4415-78).

рассчитывая на то, что, плывя таким образом, олени быстрее устанут. Если дул ветер, то стадо направляли против него. Как уже упоминалось, часть охотников, имеющих мало опыта при охоте с лодок, а также женщины и подростки оставались на берегу. Главная их задача заключалась в том, чтобы не дать оленям выходить на берег. Животных, подплывающих к берегу, загонщики пугали и гнали обратно в воду. В это время охотники, находящиеся в ветках, не теряли времени — они неустанно кололи копьем.

Плывя к животным, копье клали на деревянную развилку, укрепленную на носу лодки. Били оленей, подплывая к ним с правой стороны и стараясь ударить копьем под последнее ребро или в почки, но в спешке били, конечно, куда придется. При хорошо поставленном ударе опытный охотник убивал оленя одним ударом. Когда стадо начинало подплывать к берегу, старались колоть тех животных, которые находились в голове стада, так как они могли повернуть снова в реку и увести остальных животных. Если олени достигали середины реки, охотники заплывали для поколок спереди; если животные только начали переправу, то подплывали к ним сзади. Главная задача в охоте на воде состояла в том, чтобы направить плывущее стадо вдоль русла реки и держать его скученно. Если этого сделать не удавалось, олени часто уходили. Вначале охотники громко кричали, шумели, чтобы испугать и приостановить (задержать) стадо. Когда они уже приближались к стаду плывущих животных,

шум прекращался, так как возбужденные олени могли разбиться на группы и поплыть в разные стороны, а охота могла быть сорвана. Обычно если олени переправлялись небольшим стадом, то они плыли кучно. Тогда охотники направляли лодку почти перпендикулярно стаду и били сначала дальнего (на длину копыя) оленя, затем — плывущего ближе к охотнику и в последнюю очередь — того, который плыл рядом с лодкой. Когда переправлялось большое стадо оленей, они плыли растянutoй в длину группой, а охотники плыли на ветках параллельно стаду с двух сторон и также кололи сначала дальних впереди, затем ближних и последними били оленей, плывущих рядом с лодкой.

Охотники, плывущие на двух ветках близ головы стада, не сразу кололи животных, а удерживали их посередине реки, не пуская на берег, чтобы те постепенно обессиливали. Когда использовали четыре лодки, то два менее опытных охотника, плывя с двух сторон, направлялись к голове стада. Они старались не опережать оленей, чтобы те не поплыли в разные стороны, и направляли стадо к середине реки. Как только олени приближались к противоположному берегу, охотники быстро заворачивали стадо к середине реки. В это время двое опытных покольщиков, следуя в хвосте стада, били оленей, подплывая к стаду с двух сторон.

Начав охоту на воде, охотники сперва старались колоть взрослых оленей, но затем били уже без разбора — быков, важенок и теллят. Но если охотников было мало, кололи по выбору, стараясь добыть самых жирных животных. В том случае, когда охотник был один, он заплывал в середину стада и бил оленей по обе стороны от себя. Копье он держал двумя руками и колол попеременно ближайших животных с той и с другой стороны лодки. Опытные покольщики не выпускали на берег ни одного оленя. Хороший промысловик, «пока человек выкурит трубку», успевал заколоть до 20 оленей. Малоопытный же или новичок «возится с одним оленем, пока окончится вся охота» [РАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 644].

Охота на воде была небезопасна. Бывали случаи, когда некоторые из самцов набрасывались на лодку и старались ее перевернуть. Олень, готовясь ударить ногами лодку, ложился на бок. Тогда передняя его часть погружалась в воду, задняя несколько приподнималась, и он бил в корпус лодки задним копытом. Опытные охотники могли определить таких животных и поэтому старались бить их через других оленей, плывущих рядом. Опасно было и в тех случаях, когда наконечник копыя крепко застревал в теле животного: охотник, потеряв равновесие, рисковал перевернуться с лодкой и утонуть. В сильный ветер, когда охотникам было очень трудно колоть оленей и одновременно управлять лодкой, многие животные успевали добраться до берега и уйти. Охота на переправляющееся

стадо обычно заканчивалась тогда, когда на воде не оставалось ни одного живого оленя. После этого охотники добывали раненых животных и подбирали убитых. Убитые олени не тонули и медленно плыли, уносимые течением реки. Чтобы не потерять добычи, промышленник в начале охоты замечал самых крупных из убитых оленей, которых из-за большой массы относил течением реки дальше остальных. Спускаясь вниз по реке, подбор начинали именно с этих животных.

Транспортировка убитых на воде оленей производилась следующим образом. Каждый охотник в лодке имел длинную веревку, на которую «нанизывал» оленей как рыбу. Для этого он пропускал веревку через прорезанное ножом отверстие в носовой перегородке животного. Каждый последующий олень удерживался в связке за предыдущим завязанным узлом на расстоянии, равном длине тела первого. Таким способом «нанизывали» на веревку одно животное за другим и транспортировали к берегу до двадцати оленей за один раз [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 653].

Другой способ транспортировки заключался в том, что животных связывали за рога, шею, ноги и «плотом» буксировали к берегу. Иногда такую связку перевозили двумя лодками. Если вблизи не было видно других стад, направляющихся на переправу, и не ожидалось новой поколки, убитых оленей вытаскивали на берег и разделывали. Но, если стада продолжали идти, охотники только вытаскивали туши на берег и отправлялись бить новое стадо. Даже если на горизонте появлялась новая группа оленей, разделку туш сразу прекращали. Бывало, что добытых оленей было так много, что они лежали неразделанными по двое суток, и тогда туши не вытаскивали из воды, а оставляли привязанными к кустам у берега реки.

Покольщиков с добычей на берегу уже поджидали женщины и подростки, которые, как и остальные члены стойбища, принимали активное участие в разделке и свеживании туш. Раздел добычи обычно производили в тот же день, и в дни массового хода оленей он затягивался до глубокой ночи. Добычу делили поровну на всех членов стойбища (даже если охотились только два человека из кочевья) или по количеству лодок. Раздел производили «поштучно», вначале выдавали по крупному оленю, затем поменьше и т.д. Женщины в расчет не принимались, однако семьи, не имевшие взрослого мужчины, получали равную с остальными долю. Тем, кто помогал вылавливать туши в воде, также давали равную долю. Гостям стойбища из общей добычи с согласия охотников давали одного-двух оленей, в зависимости от размеров добычи. Когда для раздела не хватало крупных оленей, то их либо заменяли животными меньших размеров, либо охотник дополучал свою долю в следующей охоте [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 653].

Таким образом, добыча животных на водных переправах, широко практиковавшаяся с древних времен на реках и озерах Сибири и Северной Америки, была одним из самых эффективных способов охоты на диких северных оленей. Как правило, именно у мест переправ диких оленей обнаружены крупные археологические стоянки древних охотников, а на скалах (например, на Чукотке) — петроглифы со сценами охоты на этих животных. Одинаковая техника охоты с помощью направляющих к водной преграде «аллей» у сибирских и североамериканских охотников позволяет говорить об общих истоках происхождения этого способа охоты на диких оленей.

Библиография

- Аргентов О.А. Олени за-Ленского края // Акклиматизация. М., 1860. Т. I. Вып. I.
- Баскин Л.М. Северный олень: Экология и поведение. М., 1970.
- Богораз В.Г. Ламуты (из наблюдений в Колымском крае) // Землеведение. 1900. Кн. 1.
- Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М., 1948.
- Гондатти Н. Сведения о поселениях по Анадырю // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1896. Т. III. Вып. I.
- Дикий северный олень в СССР. М., 1975.
- Друри И.В. Дикий северный олень Северной Арктики и Субарктики // Труды Арктического Института. М.; Л., 1949. Т. 200.
- Дьячков А.Е. Анадырский край: Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II.
- Иохельсон В.И. Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898.
- Караев А.И. Чукотско-Анадырский край // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 4.
- Крупные хищники и копытные звери. М., 1978.
- Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-Сахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.
- Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1894. Т. 1.
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, его экономического состояния и быта населения // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1896. Т. II. Вып. I.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974.
- Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2. 1713–1724. № 122. Расспросные речи Василия Игнатьева в 1710 г.
- Попов А.А. Нганасаны. М.; Л., 1948. Вып. 1. Материальная культура.
- Сырочковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998.

Хлобыстин Л.П. Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969.

Audouze F., Enloe J. Subsistence strategies and economy in the Magdalenian of the Paris Basin, France // The Late Glacial in north-west Europe: Human adaptation and environmental change at the end of the Pleistocene / Edited by N. Barton, A.J. Roberts and D.A. Roe. London, 1991.

Birket-Smith K. The Caribou Eskimos. 1929. Vol. 5.

Blehr O. Communal hunting as a prerequisite for caribou (wild reindeer) as human resource // Hunters of the Recent Past. London, 1990.

Gordon Bryan C. World Rangifer communal hunting // Hunters of the Recent Past / Edited by L.B. Davis and B.O. Reeves. London, 1990.

Loring S. On the Trail to the Caribou House: some reflections on Innu Caribou hunters in Northern Ntessinan (Labrador) // Caribou and Reindeer Hunters of the Northern Hemisphere / Eds. by Lawrence J. Jackson and Paul T. Thacker. Albershot; Avebury, 1997.

Marie-Odile and Jean Plassard. Visiting Rouffignac Cave. Editions Sud Ouest, 1995.

Spiess Arthur E. Reindeer and caribou hunters. An Archaeological Study, 1979.

Turner L.M. Ethnology of the Ungava district in Hudson Bay territory. Washington, 1894.